

СЕДЬМАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КРУГ ЗАМКНУЛСЯ

СЛАВА ЛОШАДКА

Слава Лошадка

**Седьмая реальность.
Круг замкнулся**

«Автор»

2026

Лошадка С.

Седьмая реальность. Круг замкнулся / С. Лошадка — «Автор», 2026

Несмотря на научные открытия и религиозные книги, человека всю историю мучает три вопроса: Откуда мы? Кто нас создал? Как создавалась наша вселенная? Алексей продолжит свой путь в новых, ещё более загадочных мирах и интерпретациях реальности. Он пройдёт через препятствия в эпохе богатырей Древней Руси, увидит игру контрастов от абсолютного зла и безысходности — до реальности победившего коммунизма и замкнет круг на удивительном, сказочном континенте, где нет времени и погоды. В мире, существовавшем до всех написанных людьми летописей, историй и легенд. Алексей попадёт в начало сотворения вселенной. Чтобы понять, кто создатель сущего на земле, и чтобы понять, что ни одна случайность не случайна.

Содержание

Предисловие	5
Богатыри и Ангелы	8
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	22
Глава 5	25
Саранча и коммунизм	31
Глава 1	31
Глава 2	36
Глава 3	41
Глава 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Слава Лошадка

Седьмая реальность. Круг замкнулся

Предисловие

Северный ветер, злой, колючий, задувает за мокрый от нервного пота воротник. Позади работает «калаш», а слева горит труп противника. Горит неправильно, не по-киношному, свернувшись калачиком, выставив пятую точку и вцепившись черными руками в котелок с недоенной кашей. Да и не противник он вовсе, а брат. Брат по крови — славянин, украинец.

2015 год, Донбасс, ЛНР. И другой это уже мир, мир противостояния, мир информационной войны, мир баз НАТО и распаханных по всем концам света западных хим. лабораторий. Мир навязывания Америкой каких-то своих свободных демократических ценностей, настолько туманных и двуликих, что и не разобрать, чего они с собой несут, эти ценности. И время-то такое, что от такого прекрасного слова, как свобода, — трясет от гомерического хохота, а от такого правильного, как демократия, — трясет в пугливом ознобе.

И так две трети мира трясет. И никто ничего не разберет. Ни мы не разберем, ни они — противники. Но воюем. Они отстаивают свободу и демократию, обещанную хитрюгой Дядей Сэмом, от которых трясется мир, а мы, Донбасс с его жителями, не поверившими ни единому его слову. Такова реальность. И в этой реальности я: светлоглазый, высокий, крепкий тридцатидвухлетний холостяк, или вдовец, это как посмотреть, ведь мои жены остались в прошлом, одна дальше другой, но привлекательный, если верить некоторым женщинам, к тому же путешествующий когда-то во времени. Когда-то давно, и будто в другой жизни. На шее моей висит диск, найденный в подземном городе в Египте, и только он — доказательство, что все, что со мной произошло, не сон. А вместо воспоминаний о последнем перемещении — пробел.

Точнее, воспоминания кое-какие, конечно, остались, а именно: желание спасти царя и убить Ленина, дабы уберечь человечество от невзгод раннего Советского Союза. Таких, как репрессии, голодомор, застенки НКВД, пытки, лагеря... и для достижения цели — женитьба на Насте, знакомство с ее дядей, что помог с документами и привез в Петроград. И вроде все по плану, — цель есть, средства ее достижения найдены, но... мимо. Митинг на фабрике, драка и потеря ориентации. Потеря самого себя.

Единственное, что я помню, — это Пришелец, который всегда рядом, который сосуществует со мной и будоражит во мне инстинкт убить его, ради выживания моего разума. Ведь когда я выплываю из пучины его влияния, то вижу безмятежную, солнечную Ниццу двадцатых годов, Настю в шляпке с вуалькой, пальмы, коктейли и слышу звуки джаза от пляжного оркестра.

И понимаю, насколько удалился от цели, насколько пусто и ничемно мое существование в этом времени, ведь то, что я задумал, осталось в прошлом и контрастирует с беззаботной Ниццей. За закрытыми границами СССР — голод, репрессии, пытки, лагеря... и ничего я не в силах уже изменить, потому как упущено время. Время переломного момента в истории.

От этого осознания я злюсь, накидываюсь то и дело на Пришельца, который всегда со мной. Хочу убить его, но никак не дотянусь до его тощей, синей шеи, до его вытянутой головы и огромных мутных глаз. От этого я еще больше злюсь и ругаю его последними словами. А он улыбается Насте, смотрит в ее глаза с безграничной преданностью, и вроде у него к ней любовь. Настя же смотрит на него снисходительно, с высоты своего перед ним положения и обременения наследством, доставшимся ей от покойного дядюшки и переведенного не без помощи Пришельца вовремя за границу.

Она богата, красива, молода и хочет детей, но у них не получается. Она хочет видеть в избраннике погибшего отца, но меньше всего Пришелец похож на него — хотя бы и потому, что слишком мягок и прост. И я вижу, как все больше он раздражает, стал обузой, и что вокруг полно богатых русских эмигрантов: молодых, породистых, не уступающих ей по положению и имеющих к ней недвусмысленный интерес.

И вот, в тот момент, когда я придумал, как убить его, бросив бутылку с зажигательной смесью, как когда-то бросили в меня, все на том же митинге, все на той же фабрике, все в том же 1917 году, как он сжег меня. Завел в домик для гостей и, облив горячим, подпалил. И ничего я не мог сделать, ведь как раз в тот момент совершенно не владел собой. Лишь сидел за столом как приклеенный и смотрел на полыхающие двери и окна, на поедаемые огнем кровати и обои. Я почти не почувствовал боли, лишь освобождение, как от рабства, и очухался в той же Ницце, но 2008 года, откуда тут же за неимением документов был депортирован на родину — в Россию. Да я и рад был, ведь впервые за последние годы мои мозги прояснились, и я стал самим собой.

Вернулся я в свою казарму, где меня ждало увольнение из рядов Российской армии, потому как пропал я с глаз командира части самым странным образом — просто исчез, и все! И это после того, как он дал мне задание найти крота, обеспечив тем самым себе карьеру в спецподразделении войск ВДВ. Во мне заподозрили шпиона, угрожали даже трибуналом, но все же ограничились увольнением, так и не сумев ничего доказать.

Как же я был разочарован! Все мои предыдущие тренировки до темноты в глазах теперь бесполезны и бессмысленны! Все военные действия, о которых я мечтал, прошли мимо меня... В археологию меня также не брали, было пятно на репутации, оставшееся еще с первого моего перемещения во времени, с Египта, да и мучительная смерть матери подкосила, лишила веры в себя, и не только в себя, но и в людей. И в Бога.

Потому я устроился охранником в супермаркет, где преспокойно работал вплоть до 2014 года, до событий в Украине. Когда вспыхнул Майдан и завязалась уже война, к нам в супермаркет случайно забрел Сеня — мой сослуживец, рассказал, что Донбасс из последних сил отбивается, что нужна помощь, и позвал с собой поехать туда в качестве добровольца. Это был мой шанс! Проявить себя, показать, что могу и умею, впрочем, половина моих навыков так и не пригодилась в реальном сражении, но я был переполнен надежд. К тому же, когда наблюдал я по телевизору, как прыгают и кричат украинцы, когда вскрылась их ненависть к русским — бывшим братьям... Когда показывали Мариуполь, Одессу и еще... то кололо у меня в области груди тоской, как и после смерти матери, будто осиротел я, да и не только я, а вся Россия.

И вот, Сениными чаяньями — я здесь. А дальше речь пойдет не об Украине, и не о Донбассе, не о том, как мы воевали, и даже не о том, что сразу по прибытии, в первый же день, Сеню убили... Речь пойдет о том, что в череде случайностей не так уж все и случайно, а продиктовано кем-то свыше — да и продиктовано совсем не случайно.

Рассказ мой, временами бессмысленный, временами слишком фантастичный, но, по моему мнению, абсолютно искренний, я продолжу, хотя и нет большого смысла в тех событиях, что происходили со мной далее. Жизнь циклична, как уверял меня один мой друг, и все, чему должно случиться, все равно случится, неважно, в какой реальности, какой параллели и что предшествовало такому повороту истории. Итак, я продолжу...

Бой — открытый, беспощадный, где каждый рискует быть убитым, даже и своим, поскольку полыхает перелесок, и от дыма, что заволакивает поземкой кусты, не видать ни зги. Холодно ползти на пузе, ведь апрель, но только вперед, за Донбасс, за Россию, за моего друга Сеню. И злой ветер задувает за воротник, и горит труп. И некстати мысль, что сейчас полнолуние, и воспоминания лезут в голову, а руки трясутся от предчувствия, и подмывает достать диск, что ни разу не перенес меня никуда, как я ни старался и ни пихал его себе в щеку. Вру. Один раз, с какого-то перепугу, я попал в «архейский» период планеты, где краем глаза успел

увидеть вулканы, красный сухой песок и огромных серых существ, которые с голодным рычанием ринулись ко мне. Но не успел я как следует удивиться, как попал прямиком в кислотное озеро, тут же сгорел и вернулся.

Вдалеке закричали, пулеметная очередь разрежала воздух, рядом крепко отmaterились — кого-то подстрелили, и я ползу, сам не зная куда и зачем. Свист, пуля пролетела в сантиметре от головы и врезалась в ствол дерева. «Снайпер!» — Я пригнул голову, втиснул в сырую землю, а для верности сверху на затылок ладони.

Пара минут тишины, и я решаю ползти дальше, а куда деваться, на войне как на войне. Снова засвистело, обожгло в районе шеи, бульканье из горла, соленый привкус на языке — да я ранен! Нет, я смертельно ранен, а скорее убит, потому что чувствую, как с биением сердца из шеи пульсом плещет кровь. И что-то знакомое в этом, отпечаталось в подсознании, будто когда-то я переживал уже подобное. Дежавю, знаете ли.

Зажимаю артерию пальцем, пытаюсь звать на помощь, но никто не откликнется, знаю, да и изо рта не крик, а вялый сип. Валюсь на спину и смотрю на яркое весеннее небо, что несет облака в перламутровую зыбкую даль, и, прощаясь уже с жизнью, засовываю диск в рот. Взрыв, миллионы атомов моего тела кружатся в вихре, и все уже забыто. Забыто и состояние, когда диск исцеляет, — схожее с наркозом, забыто и то, что отправлюсь я не туда, куда хочется, а туда, куда угодно Ему...

Богатыри и Ангелы

Глава 1

«Бум!» — донесся издалека этот глухой удар. — «Бум!» Что стучит? Я приподнялся на локте, ощущал шею. Естественно, ранения как не бывало — диск сработал. Где я? Все тот же перелесок, но за ним нет руин зданий, разрушенных взрывами поселка, а только крепкие дубравы стучат ветвями на сквозящем ветру.

Лес. Я в лесу, на опушке. Небо колыхнется белыми, судорожно мечущимися облаками — как живое. Вместо привычного лесного шума, щебета птиц, шорохов прошлогодней листвы — пение тонкого женского голоса, точнее, сотен тонких женских голосов, и о чем поют — не разобрать, но красиво, чисто, опасно красиво и чисто, предупреждающе звонко и тонко.

Лес дремуч, сумрачен, шевелится, будто живой, шепчет — каждая травинка дышит, каждый цветок и росток, букашка, будто наблюдают с опаской за мной. Куда же я попал? Что это? Я будто во сне.

В изголовье послышался кашель и шорох. От неожиданности я вздрогнул и обернулся, механически рыская рукой в поисках оружия — но оружия нет, оно осталось на поле боя, в другом мире и в другом времени. А то, что я оказался в этом другом мире и другом времени, я понял, когда увидел его. В шкуре, с седыми волосами по плечи, на валуне — качающемся, словно желе, и пищащем как мышь, сидел Доктор.

Доктор, что из подземного города в Египте, — я несомненно узнал его. Но у этого Доктора рост гораздо выше, борода по грудь, лицо обветренное и красное, в плечах он косая сажень, а цепкий взгляд металлических глаз — помутневший и воспаленный, как у прожженного вояки, коих я встречал немало в последнее время.

Доктор встал, приведя камень, на котором сидел, в видимый желеобразный восторг, выгнулся, хрустнул шеей и, протянув ладонь, сказал хрипло:

— Вставай! Вставай, надо уходить!

От оторопи, непонимания ситуации, от живого камня под задом Доктора, от завлекающего женского пения в лесу, от мира, что красками, дыханием, осязаемым даже воздухом вверх меня в ступор, я послушался, схватил шершавую руку и поднялся.

Доктор дернул меня, развернул в ту сторону, откуда были слышны стуки, и подтолкнул в спину:

— Варвары! Они повсюду! И весь этот лес, все его обитатели, весь мир вокруг с ними заодно. Надо поторопиться.

— Варвары? Где я? Что это за место? И... какой год?

Доктор усмехнулся:

— Какой год? Этого сейчас подсчитать невозможно, скажу только: задолго до появления календаря. А место... — мир незадолго до появления человека в привычном тебе виде...

Перебежками мы пробираемся по лесу — сухие сучья стонут и ломаются под моими ногами, земля живая и ходит ходуном, Доктор же безучастен и беззвучен — ступает мягко, пригнувшись и оглядывая каждую травинку и кусты. А они норовят задеть прутьями, лезут, цепляют одежду в слепой попытке остановить наше бегство, вмешаться, задержать. Лес не пускает нас. Травы выставляют скрытые в зелени щупальца, деревья глазают черными дуплами, еще немного — вырвут из земли свои корни и пустятся в погоню.

Станный мир, странное место, странный Доктор...

— Варвары были здесь! Штук десять, не меньше, лазутчики, мать их... — шепчет он.

— Вы о чем? — Голос мой в сравнении с глухим Доктора звучит эхом в закоулках дивного леса.

— Т-шш! — Доктор прикладывает палец к губам. — Не ори, все эти твари не только чувствуют тебя за версту, еще и слышат, как звери...

Я замолк — озираюсь пугливо, пригибаюсь поближе к земле и прыгаю, как заяц, по прошлогодней листве, стараясь поспеть за своим сопровождающим.

Живое все вокруг, от солнца и неба до мягко дышащей земли под ногами, — живое, и от этого понимания я несусь как ошпаренный, смотрю под ноги, дабы не наступить ненароком на камень или молодую поросль, не задеть, не поранить. Я во сне — так я подумал тогда. Я в коме после ранения — таково мое восприятие этой действительности. Я умер и попал в потусторонний мир. Но диск врос в щеку, а голос Доктора торопит, значит, возможно, это реальность? Не сон, не кома, не смерть? А дикая, сумбурная реальность?

Наконец заканчиваются сумрачные смертоносные буреломы и чащи, редет волшебный лес, все больше полян и опушек зеленеют веселой светлой травкой. И солнце повеселело — глядит ласково, улыбаясь видимым оранжевым ртом, все чаще освещает прямыми лучами путь, заставляя шуриться и прибавить шаг. И с каждым этим шагом меньше напряжения в осанке Доктора, а под конец пути озаряется его напряженное лицо улыбкой, хоть и нелепо растянутой по багровым щекам.

Видимо, мы пришли. За стволами кустарник — плетками-ветками бьет в лицо в тщетной попытке помешать сделать последние пару десятков шагов, но за его вытянутыми в струну хлесткими ветками уже видно, что за ним выстроен частокол высотой метра в четыре. Частокол этот гладкий, обработанный — сияет он на солнце неприступностью и надежным монолитом, и по всему периметру ров с затхлой водой, будто кишит изнутри живностью, а справа замаскированы под частокол ворота с вышкой дозора.

Доктор крикнул стражнику, резво щелкнуло затвором замка, ворота тяжело и рывками сдвинулись наружу, а из щели вылезла длинная доска. Пролегла через ров, Доктор махнул:

— За мной!

Я мнусь в сомнении: может, я и воевал, и много чего насмотрелся, но при виде неустойчивой этой конструкции взяла оторопь.

— Смелее! — Доктор схватил мое запястье, потянул на себя и пропихнул вперед. — Иди, пока живой!

И, повинувшись звукам властного голоса и боясь остаться одному в одушевленном лесу, я вновь подчинился, прошел: а куда деваться? Точнее, балансируя и растопырив руки, пробежал, не глядя и трясясь от напряжения всеми фибрами тела. И вот мы на другой стороне, вблизи видно: колья частокола заточены, на вышке звонница, а за крепкими двойными воротами — поселение.

Мошечные деревом дороги рассекают уютные улочки, крикают здесь утки и лают сторожевые собаки. По центральной дороге то и дело нам встречаются люди — судя по всему, жители поселения. Но что это? Жители эти люди и не люди, с первого взгляда и не поймешь — насколько они высокие, в полтора роста обычного человека. Совсем как мой старый знакомец Пришелец.

Но эти, не в пример Пришельцу, — красивые, светлые, будто прозрачные, в белых одеждах, с длинными светлыми волосами, идеальными прекрасными чертами, и сплошь бесполое, в отличие от него, — вопрос о принадлежности к мужскому полу Пришельца у меня даже не стоял, — здесь же не угадаешь. Эльфы Толкина, ангелы во плоти, неземные, божественные, загадочные, насколько глубоки их взгляды — кротки и из-под ресниц, как у женщин, да и движения плавные, грациозные, но во всей осанке, в утонченной стати, в резкости плеч и бедер — достоинство, крепкий разум и мужская сила.

Заверещало за спиной, тысячью голосов запищало, затренькало и завывало в лесу, как на шабаше у ведьм, пока тянули канаты, закрывая за нами, но громыхнули тяжелые ворота, и сразу стало понятно, откуда тот стук, что слышал я недавно, и стало спокойней, и вроде даже привычней.

— Кто эти люди? — вполголоса спрашиваю Доктора. — Кто эти, гм... создания?

— Пойдем в лабораторию, там все объясню... — Доктор окинул хмуро мое одеяние — военную экипировку моего времени, и вздохнул. — Переодеться бы тебе, ведь засмеют!

Идем. Мимо плетеных заборов, мимо окон с резными ставнями — я озираюсь с интересом: никогда не видел подобного! Все здесь гармонично и с душой, во всем золотое сечение, и все дома не под рост обычного человека, а под рост населения — выше, шире, совершенней, как и строители их.

Вот только, хотя и блистают фасады зданий тонким вкусом обладателя, но громоздки, объемны и для восприятия обычного человека тяжелы, да и сами здания, если бы им быть в миниатюре, хороши, добротны и в основном одноэтажны, все почти из сруба, и с входами без крылец, и не поднимающими наверх, а скорее землянкой — по ступеням вниз. Они словно сказочные избы, резные терема, словно с картинки книги старых русских былин.

Зашли внутрь одной такой избы, с виду ничем не отличной от остальных. Внутри темно, лишь искра от лучины да живой огонь каменной печи в углу тускло озаряют пространство. Грубые сколоченные лавки по стенам, дубовый стол в центре и лестница вниз — пугающая идеально черным завершением пути. Покорно следую за Доктором, что без страха шагает по крутым ступеням. В конце пути дверь — каменная и на ощупь ледяная, с пронзительным скрипом открывается, и свет, слепящий, синеватый, — бьет в глаза.

Помещение огромное, с высокими потолками, гулко отдающимися в стенах нашими движениями, а на потолке светящиеся синеватые трубки, такие же, как в подземном городе Египта. По бокам деревянные стеллажи, заставленные глиняными пузырьками, колбами и горшочками, в середине — каменный постамент, а на нем чертежи на бересте, металлический лом и золотые пластины.

Доктор указал на скамью:

— Садись, слушай!

Я присел, молчу и весь внимание, что несложно, учитывая мое онемение от увиденного.

— Война, друг мой, война старых с новыми... Ну, или война двух видов за промежуточный... Тыфу ты, не знаю, как объяснить... как отец и мать решают, стоит делать аборт или рожать. Отец хочет аборт, потому что видит в потомстве конкуренцию, знает, что после рождения жизнь его никогда уже не будет прежней. Его мир не будет его... а будет совершенно иным... Мать же любит уже дитя, хотя и понимает: нелегко придется, детки-то не сахар — проказники, да и заботиться о них надо, зато через рождение познается великое счастье передать частичку себя, и жизнь станет полноценной...

Доктор прошел к постаменту, взял с него одну из пластин, взгляделся, покрутил, посмотрел на меня пристально и цепко, увидел, что я мало понял, вздохнул:

— Люди, которых ты сегодня видел в городище, — не люди вовсе, не те, привычные тебе хомо сапиенс моралис. Это «моралис» без хомо сапиенс. Это вид, следующий после таких, как ты, как вы, а заодно еще и ваш прародитель... Они не из этого мира, они пришельцы... хотя смотря что вкладывать в это слово. Для тебя пришелец даже ты сам... Да и мир этот, как ты успел заметить, отличается от твоего. Но то за воротами, а здесь, в городище, уже видны перемены... Впрочем, перемены в этом месте не за горами, на другом конце материка... один человек, гм, как раз перевоспитывает уже варваров... гм, пытается перевоспитать, пока мы создаем «ядро».

И едва я раскрыл рот, чтобы порасспросить об этом, как он продолжил:

— Варвары, предыдущий вид — отец, что сторонник аборта. Моралисы же — мать...

Я хотел прокомментировать его слова, сказать, что не забыл про Египет и генетические эксперименты в нем, но он не дал и слова вымолвить.

— Варвары не нацелены истребить моралисов. Варвары нацелены на «ядро»... на хомо сапиенс моралис... именно в подсознании хомо сапиенс моралис привычная тебе реальность. Пока варвары живы и нацелены — мы не можем выпустить людей... Впрочем, ты знаешь весь механизм, здесь он мало отличается от египетского. За исключением разве что наличия пластин и скипетра. Пластины я еще не создал, ведь эти события происходят гораздо раньше событий в Египте, да и скипетр ждет пока своего формирования. Не здесь и не сейчас тебе владеть им. И вряд ли ты поймешь сейчас, о чем я говорю, и вряд ли ты поймешь, какая на тебе задача, моя же задача в данном отрезке — просветить тебя, направить и уйти...

От потока слов я растерян, но понятно мне: вот ДНК высоких прекрасных существ из городища, вот женщина-варварка. Первая ночь, первенец... Люди, родившиеся от этого союза, — они и есть ядро, и заперты где-то в подземелье. Одно только «но». Или не одно. Много «но». Откуда взялись эти моралисы? Почему они и последующие, и праотцы одновременно? Что за человек перевоспитывает варваров? Откуда этот Доктор: он тоже перемещается во времени? И эта реальность, и реальность в подсознании хомо сапиенс — тоже загадка. Может, я все же сплю?

На всякий случай спрашиваю:

— Лес... Тот лес, по которому мы шли, что с ним не так? Я никогда не сталкивался с подобным.

— Лес, как и все вокруг, не совсем планета Земля. Хм, не знаю, поймешь ли ты? Но на всякий случай поясню... — Доктор нахмурился и снова принялся разглядывать пластину. — Такие материки, как Ваальбара или Ур... — огненное пристанище мутантов-исполинов, с них все началось... Паннотия — нечто новое, что чуть было не раскололась уже на обычные твоему восприятию континенты, но в тот раз не сошлось — наше упущение... варвары истребили тогда хомо сапиенс. Быстренько так истребили менее приспособленный вид и вернули себе прежнее существование. На плоской, как блин, суше — под которой ничего.

Доктор нахмурился еще больше:

— Три кита, стоящие на слоне, три слона на черепахе, безбрежный океан-спрут, и что еще там может породить их примитивная однобокая фантазия. Везде и во всем у них идолы, божки, плоскость и косность, а ковырни поглубже — внутри пусто, как в барабане. Им никогда не сделать планету круглой, им никогда не познать Бога, они примитивны по уровню фантазии! Пангея. Это место зовется Пангея — пока варвары хозяйничают здесь. Но как только их восприятие сменится восприятием хомо сапиенс — увидишь, что произойдет!

Для меня все его объяснения — полная белиберда, да и Доктор распался, и я, чтобы охладить его пыл, задаю вопрос, который мучает меня больше всего:

— Кто же здесь вы, Доктор? К какому виду причисляете себя? Какой у вас во всем этом интерес?

Доктор выдыхает с такой силой, что колыхнется его нечесаная борода:

— Без хомо сапиенс не будет меня, нас... не будет «моралис», и вселенной, из которой они прибыли, не будет. Мы всего лишь плод...

Я ни черта не понял, но Доктор уже уходит в себя, отвлекается на пластину, и я уже ему неинтересен, да и объяснения на этом, видимо, исчерпаны:

— Мне тут надо закончить один эксперимент. Ты свободен. Иди, переваривай, а если будут еще вопросы по поводу цели твоего пребывания здесь, не стеснясь, можешь задавать их Воеводе, он знает почти все, что тебе сейчас нужно. Пойди, найди его... — Бросил на меня уставший рассеянный взгляд. — Да переоденься, не то засмеют. Они у нас такие — твои соратники, с юморком... Кстати, добро пожаловать в отряд защитников... Я говорил, что война? Ах,

да... — Он совсем отключился от реальности, зажег смоляную трубку и взял долото. Махнул.
— Иди! Найди Воеводу!

Глава 2

Бросив прощальный взгляд на Доктора, на пластину, что по виду грубее и в разы больше той, что я видел в Египте, я вышел. Опять крутая лестница, темный дом и продуваемая апрельским ветром улица, полная загадочных созданий.

Опросив парочку таких, где мне найти Воеводу, и удивившись их нежным переливчатым голосам, а также языку, что учил я когда-то в подземном городе Египта, я побрел к продолговатому строению, вроде барака, оказавшемуся казармой для воинов, с дощатым полом, соломой вместо постелей и сыростью, присущей огромным, плохо отапливаемым помещениям. Условия, прямо скажу, не самые комфортные, но, по крайней мере, здесь не было одушевленных предметов, коим положено быть неодушевленными, — как в лесу, и это радовало, все почти как в нормальном мире, откуда я прибыл и куда мне все больше хотелось вернуться.

Воевода оказался мужиком с красными щеками, носом картошкой и с кудрявой бородой — эдакий Илья Муромец, потому как и рост его, и телосложение воистину богатырские. На вид он суров, но стоило ему разглядеть меня поближе, как глаза заискрились, и он на ломаном, полупонятном и, по всей видимости, русском, вперемешку с современным сказочным, проговорил:

— Это кто тебе кафтан-то пошил, али заморский? А опорки-то, опорки! Да и сам ты от горшка — вершок... впрямь иноземец! — как-то так или навроде того...

Я объяснил ему, кто я и что послал меня Доктор, он не знал никакого Доктора, а когда я указал откуда, он тут же посерьезнел и вынес вердикт:

— Ты Алёша! Мы тебя давненько дожидаемся... ступай, покажу, что где. Сейчас воротятся остальные, найдут тебе шкуру медвежью, в другое не рядимся...

Прошлись по казарме, поглазели на спартанское убранство, поговорили, дошли до огромной каменной печи и обратно. Спать мне, со слов моего настоятеля, в любом углу на соломе — определенного места и нет ни у кого, едят на улице, там котел и полевая кухня. Воюют с варварами от случая к случаю, когда те нападут, и воюют только они: отступники, безбожники, хотя есть у них боги, и немало. «Убогие» же, как он называл тех загадочных обитателей городища, не воюют, они не способны убивать, не способны ни к какому греху, у них Бог Един, и они только о Нем и думают.

— Молятся и молятся, больше ничего, даже и похарчевать забывают! А ты единобожник али как?

— Я не верю ни в каких богов... — говорю я туманно, но его мой ответ удовлетворил.

Далее объяснения предназначения войска, чья главная задача — уберечь от истребления новый вид людей, коих никто никогда не видел и даже не имел представления, зачем кому-то нужно их беречь: ведь и так хорошо! Но для всех воинов это закон, да и не прочь они побиться с варварами, недаром силушка молодецкая.

Воевода же, понятное дело, — командир в этом войске, ему подчинение беспрекословное. Оружие мое — деревянная палица, за неимением в достатке копий и мечей — воюй как знаешь, а не знаешь — не воюй. Мне-то что здесь делать?

Затем явились остальные — несколько десятков вояк, разных и бородами, и носами, но одинаково высоких, на полметра выше меня, крепких молодцев, словно вышедших из моря-океана пушкинской сказки. Только батьки Черномора к ним не прилагалось, хотя Воевода вполне подходит под описание.

Они также посмеялись над моим видом и ростом, попереговаривались друг другу в уши и стали шуршать по углам в поисках подходящей шкуры. Я чужак для них, лишний в стае,

не их поля ягода, им смешно от одного моего вида, может, все-таки я не туда попал? Может, Доктор что-то напутал? Какой во мне здесь прок? Какой смысл?

В помещении зябко, хоть и топится печь, и пробирает холодом через бушлат, сырая солома на полу кишит живностью. Обстановка отвратительная, и мне до дрожи не хочется воевать палицей, спать на блохастой соломе, а хочется обратно в свое время, и желательно — домой. Весенний ветер гудит в дымоход, навевая тоску и безысходность. Разве что поговорить с Доктором, спросить совета, как мне лучше вернуться? И ничего мне тут не подходит, от всего голова кругом, мне и страшно, и интересно, и больше всего это перемещение напоминает сумасшедший аттракцион. Но я все еще здесь, и пока мои новые друзья искали мне подходящую шкуру, не совсем огромную, не совсем худую и не совсем старую, я огляделся повнимательней. По стенам с неосвещенной стороны шорохи, хриплое дыхание, и светятся в темноте белки чьих-то глаз. Подошел поближе.

От края и до края казармы — ниши с деревянными решетками, и там, по трое-четверо, на гнилье, в собственных испражнениях полуголые люди. Варвары — судя по мелкому росту, кургузым фигурам и дикому блеску в черных глазах. Не похожи эти дикари на тех, что я видел в Египте. Эти блее, с крупными плечами и большими ступнями, все поголовно в невыделанных волчьих шкурах, едва прикрывающих срам, а волосы хотя и всколочены, но под слоем грязи видно — пшеничного цвета, да и брови, кустистые, сведенные яростью к плоскому носу, — светлые, а лбы широкие и покатые. Здесь и мужчины, и женщины, потирают заledenевшие голые конечности, постанывают от тупой безнадеги, и кажется, выпусти такого, и он как дикий зверь кинется, вопьется в горло, вырвет кадык... Проходил я такое в подземном городе, знаю, ничего хорошего не выйдет, если их жалеть, хотя и жаль их — все же живые, и мучаются...

В крайней, ближайшей к двери и самой продуваемой клетке — женщина, без шкуры, в тряпье, и сидит в одиночестве, трясется от холода и тихо плачет, размазывая исходящие паром слезы по чумазому личику. Я притормозил и с любопытством уставился на нее, как в зоопарке на обезьянку, но не дикий ее вид привлек меня, а ощущение, что знаю я ее, где-то видел и знаю неплохо. Поворот головы, подрагивание плечей... дежавю, знаете ли.

Подошел Воевода, держа в вытянутой руке лучшую из шкур, имеющих в наличии, протянул мне, довольно кивнув на сидящих в клетках:

— Полоненные! Питомцы наши, жертвенные агнцы, как еще? Для потехи, выпускаем день через день, набалуемся, и в жертву... Смешные они, мелкие, а злющие!

Я указываю на плачущую женщину:

— Эта почему сидит одна?

Полкан от нетерпимости закатил глаза:

— Редкая! Одноплеменники не принимают ее! — Выпучил склеры, осматривая пленницу. — Давненько сидит, все жаль, но пора уж и ее на алтарь, покуда сама не издохла... дивная...

Пока он говорил, я одевался. Скинул бушлат, нацепил шкуру — заметив, что сразу стало теплее, подпоясался кожаным ремнем, через него просунул палицу, но отказался от замены обуви — в берцах все же надежней, чем в тонких поршнях. Глянул еще раз на продрогшую пленницу и просунул ей в клетку ставший ненужным бушлат. Женщина вздрогнула, отпрянула в угол и глянула волком, а глаза ее голубые, как весеннее небо.

— Во! Я же говорил — редкая! — Протиснулся между мной и прутьями краснощекий Воевода. — Ни разу не видел синеоких у варваров! — Брезгливо поддел куртку палкой и перебросил в угол. — Рядись! Околела поди...

Женщина, не вставая, потянулась, быстро схватила бушлат и подтянула к себе, прикрыла ноги, вздрогнула в ознобе и мутно уставилась на меня. Не знаю, когда я пропал. В тот момент, когда заглянул в ее глаза и увидел там отличие от остальных ее сородичей, а именно — пылкий ум? Или когда она улыбнулась игриво уголками губ в благодарность? А может, и раньше,

когда понял, что с Азанет мне не по пути... Но я пропал. Не то что с Азанет, с первого взгляда и навсегда, нет.

«Она моя!» — стрельнуло в голове шальной мыслью. Я заинтересован. Может, она околдовала меня своими синими очами, может, от одиночества в незнакомом мире, а может, от вида ее — жалкого и страдающего, но мне вдруг захотелось помочь ей, защитить, обогреть и любить...

Заиграла красками казарма, солома теперь мягче перины, а блохи и клопы — лучшие друзья, но главное — понятен смысл моего пребывания здесь, в этом хаотичном мире и времени. Вот он — смысл, крошечной корявой ручонкой убирает волосы со лба, кутается в бушлат, а смотрит открыто и с интересом. В сторону мысли о том, чтобы поговорить с Доктором о возвращении, в сторону недовольство условиями, и даже палица, что болтается на ремне, — оружие, способное защитить и меня, и ее.

Воевода, увидев, как загорелся мой взгляд, поспешил отвлечь разговором, оттесняя меня своим могучим торсом от клетки:

— Последняя сеча была семь ночей назад... — прошептал он, будто боясь, что варвары подслушают. — Разбили мы энтих поросят вчистую, а потому пока спокойно, но как только нападут снова, так снова сеча... и снова мы их разгромим...

— Так в чем же дело, если вы громите их, так и громили бы дальше! — также шепотом попытожил я. — Я вам зачем?

— Предсказание! — Голос его стал еще тише. — Штурм, говорят! Придет защитник ихний, с воинами, что пробьют нашу броню, найдет ключи от дверей и уничтожит «ядро»! Только ты способен остановить его. Только вот когда тот штурм — никто не знает, и как спасет — тоже. А варвары каждый раз нападают, и ни разу никто не явился помочь им, но вот ты... ты уже здесь! Спаситель! — и заржал как конь, глядя на мою хлипкую, в сравнении с богатырской, фигуру.

Я не могу собрать мысли от этой тарабарщины, но улыбаюсь, заражаясь его весельем.

Воевода, увидев это, посерьезнел:

— Потому быть тебе в следующее сражение с нами! Поглядим, что ты за птица! — Я пожал плечами. — «Поглядим!» — ведь в тот момент еще не сомневался в своих бойцовских навыках.

До вечера мы проговорили о том о сем, прошлись до полевой кухни — по пути до которой я и впрямь не заметил никаких отклонений от нормы, ни в небе, ни на земле. И кусты тут вполне обыкновенные, и деревья, и облака, и солнце. Поужинали кашей с мясом, а хлеб, что полагался к основному блюду, я взял с собой, для дикарки с синими очами.

Погода стояла холодная, ветреная, но я не чувствовал неудобств — любовался поселением, крупными фигурами богатырей, любовался совершенными существами, населявшими его, пришедшими к столу откусать вместе с нами и переговаривающимися тихо меж собой на своем языке. Уходящим солнцем любовался, что не улыбалось оранжево, а казалось вполне обычным, ярким и жизнеутверждающим.

Меня подогревало увлечение. Та дикарка меня подогревала. Забылся мир за частоколом, удивительный, но пугающий, со слов Доктора отчаянно борющийся за свое существование... в мыслях лишь она...

Ну а когда начало темнеть, то собралась в казарме вся дружина, забили помещение до отказа, расселись как попало, гогочут в предвкушении развлечения, поглядывают блестящим лихим глазом в мою сторону, и от этого не по себе. Зато стало теплее, хотя и воняло потом, как в конюшне. Видимо, начались игрища, потому как выпустили из клетки одного из варваров, под улюлюканье и смех пленителей на карачках он выполз, огляделся, оскалился, зарычал, и началось...

С пеной и побелевшими от злобы глазами он кидался на всех без разбору, в скудности ума не понимая их численности и силы, пока не устал и не был истыкан копьями до полусмерти. А я смотрел на кровь его, на его ранения, на яростное бессилие его и все думал: «Как это? Сами богатыри разве не варвары, раз делают такое?» А когда его, едва живого, увели куда-то, не выдержал. Спросил: зачем они это делают и с какой целью?

Меня тут же грубо заткнули и объяснили, что варвар тот преподнесен в качестве жертвы Богу Войны. Этот Бог помогает им в сражениях, да и не стоит мне жалеть того несчастного, ведь я еще не сталкивался с подобными этому варвару и не знаю, на что способен он и его племя.

Я-то как раз знал, кто на что способен, и воспоминания, хотя и стертые временем, но все же бередили мой мозг с завидной регулярностью, впрочем, в основном во снах. Но все же не мог выносить издевательств над беззащитным существом, и последующего его убийства не мог выносить. Я начал спорить, лезть к богатырям с разговорами о высокой морали, о милосердии и тому подобном, но бесполезными своими попытками достучаться нажил себе лишь седых волос и заодно парочку особо несогласных врагов.

Главный же вывод мой об этих людях: они и сами не лучше тех варваров, к тому же, как и варвары, — язычники, и кроме военных задач своих ничего не знают, да и знать не хотят, и, с интересом рассматривая их, все думал: так ли неправдоподобны древние сказания и былины Руси? Одной только фантазией сказочников обусловлены образы главных героев их? Вот они, передо мной, — богатыри, как есть, высокие, крепкие, бородатые, воины, ратники, отличной стати, хотя и ума небольшого... варвары...

Зато под тенью вековых дубов, по мощным дорогам и между громоздких строений ходили другие, хотя и братья богатырям — но полярно другие. Они восхищали меня — безусловно. Без намека на агрессию, не ведающие греха, блаженные, и не понимающие: зачем в этом мире, таком прекрасном и объемном, кому-то воевать за место под солнцем? Ведь его полно!

О таких мой коллектив отзывался пренебрежительно, в первую очередь выставляя на смех их единобожие и порицание любой агрессии, а тем более убийства — будь то даже жертва Богам. Называли богатыри их не иначе как «убогие», что означает «у Бога», презирали, не скрывая, и при любом удобном случае цеплялись, чем выводили на эмоции, хотя и эмоциями это не назовешь. Милостивые улыбки, потемневшие взгляды и досадливое покачивание головой — это порицание. Благодарят же они мягким взглядом, широкой улыбкой и вытягиванием вперед тонких белых рук для рукопожатий или объятий, не знаю, при мне никто ни разу не принял их благодарности.

После игрищ, натешившись вволю, вся братия растянулась по полу, погоняла немного клопов, и вскорости из-под клочковатых бород и усов стал раздаваться басовитый, переливчатый храп. Теперь мое время. Мое — и интересной мне дикарки, что зыркала в мою сторону весь вечер своими яркими глазами, к тому же не видел я, чтобы здесь кормили пленников. Подобрался к ее клетке, переступая мощные торсы и ноги, кинул между прутьев хлеб. Незнакомка зарычала дико, но хлеб схватила, жадно съела все до последней крошки, распахнула пухлый рот и вполне осознанно сказала:

— Пить! Фрея хочет пить!

Я удивлен: она знает язык? Но виду не подал, а набрал из кадки воды в глиняную плошку и протянул через решетку. Цепкой ручонкой она схватила, но не плошку, а мое запястье, протянула к своему лицу и принялась прихлебывать, пристально и без отрыва уставившись мне в глаза. Она кокетничает со мной!

Я присел на корточки, оглядел ее с головы до ног, отметил, что волосы ее светлые, голова немного вытянута, в отличие от круглых со скошенными затылками ее сородичей, и фигурка, хоть и приземистая, как у ее племени, но хрупкая, и движения ее по-своему изящны.

— Значит, ты — Фрея? — И имя знаю, где я мог встречать ее? — Алексей...

Девушка глянула в сторону, будто вспоминая и морщась, будто собираясь снова заплакать. Я протянул ей руку для рукопожатия, но она не поняла моих намерений и уползла в угол.

— Алексей! — протянула мечтательно, а голос хриплый и низкий. Свернула калачиком и закрыла глаза, видом показывая, что разговор окончен.

Холодный ночной ветер стучит ставнями и бьет ветвями в окна, гудит и воет в дымоходе, промозгло и сыро, и жестко даже ступать по полу — не то что спать. Но я не чувствую неудобств, не слышу громогласного храпа, не ощущаю запаха пота и укусов насекомых. Я увлечен. И теперь радость шемит сердце, и осознание близости пленницы будоражит тело.

Ночью меня терзали сновидения. Был и Пришелец, грозящий синим пальцем, и Азанет, повторяющая из раза в раз: «Предатель!» Мать, умирающая в адских мучениях, но целующая беспрестанно распятие, и мое бессилие ей помочь. А потом Доктор, и он совсем не богатырь. Устроившись в мягком кресле напротив меня, окидывая пронизывающим взглядом, достал небольшой блокнот и послынявил карандаш: «Продолжайте!» Бред. Бред воспаленного страстью сознания, бред человека, оказавшегося неожиданно в другом времени, в другом даже и мире и не знающего, как вести себя, абсолютно не ведающего — что дальше...

Наутро, когда солнце запустило лучи через ставни и повеяло свежим ветерком, возрождающим природу к жизни, когда горластая пичужка в кустах запела первую серенаду весны, меня вызвали к Доктору, что и не Доктор здесь, а Вожак — главный в поселении, координирующий и войну, и мир.

Изба, с одиноко теплящейся лучиной, Вожак лежит на лавке у стены, закинув руки за голову и рассматривая бревенчатый свод потолка:

— Слышал про предсказание? — Я кивнул. — Оно сбудется, и очень даже скоро...

Резко встал, схватил со стола каменное изваяние, по виду похожее на живое солнце, что видел я во время бега по лесу, с такими же хитрой лисьей улыбкой и прищуром.

Пихнул мне в лицо:

— Смотри!

Я не понимаю, чего он хочет, но повинуюсь, смотрю в центр. Что-то щелкает, вроде сдвигается засов под полом, затем будто едет по рельсам, скрипя несмазанным механизмом.

— Все! Получилось! Фу-ты! Теперь главное. Запомни — это ключ от двери к «ядру». Находится та дверь на постаменте, что в лаборатории, но... Одно «но»! Запомни! До тех пор, пока жив предводитель варваров, ни под каким предлогом, ни под каким, слышишь, не открывай ее! Даже под страхом смерти, даже под пытками... Этот предводитель — он близок тебе, но полярен твоей сущности и способен повлиять на ход... Ты должен убить его! В первую очередь, без оглядки и сомнений. Это решит исход войны. Ты все запомнил? После штурма меня не будет рядом с тобой...

Я, может, и повзрослел после нашей последней встречи в подземном городе, но по-прежнему глуп, наверное, поскольку ничего не понял, как не понимал и до этого. Для меня объяснения и заветы Доктора — набор слов, не более, а мое пребывание здесь, в этой реальности, всего лишь развлечение, хотя и опасное, хотя и сумасбродное. Я мелко киваю, а он вздыхает, словно понимает мое настроение, ложится обратно и вперяет взгляд в потолок. Прощальный взгляд, тоскливый.

Выхожу я от него со смешанными чувствами. Что за близкий мне предводитель? Все перемешалось и прыгает хороводом, как в моем ночном бредовом сне. Все вокруг похоже на бред.

Но ласково светит солнце, придает красочности дивному городищу, его огромным пряничным домам, и синицы пищат по кустам, а в мягком ветерке запах теплых почек и приближающегося тепла, да и пленница — Фрея! Какое красивое имя! И знакомое до боли...

Мимо проплывают «убогие», улыбаются нежно и учтиво, пробегают мой отряд на завтрак, за ним снова «убогие» — утонченные, осмысленные и потерянные в глубине своих мыслей. А я, что тот «убогий», — блаженный, и забывший уже наставления Доктора-Вожака, проветривший апрельским ветерком свою голову и не впускающий в нее осмысление вышесказанного, дабы не засорять. Настроенный только на волну желанной женщины.

Все для меня здесь необычно, мистически, удивительно и интересно: а что кроется за фасадом? Да какая разница? Здесь диск, он бережет меня, а в случае смерти — домой! В свое время. Но в свое время я всегда успею, а пока побуду в этом — чего мне терять?

До вечера я был занят. Сначала пробежка, затем имитация боя, где выяснилось, что палицей я не владею совершенно, как и копьем, единственное, с чем я хоть как-то справлялся, был нож, но ножи здесь на вес золота и имеются только у опытных вояк, потому я безоружен. Гол как сокол. Даже техника кулачного боя, с которой я отлично справлялся в армии, в сравнении с мощью кулаков моего войска — ничто. Мелковат я перед богатырями, медлителен и слаб.

Недоумение на лицах воинов: «Как же ты собираешься воевать?» «И кто сказал, что ты и есть тот, кто нам нужен? Вожак? А не мог Вожак ошибиться?» Стыд за слабость, впервые со времен путешествия в Египет, вышиблен я из седла уверенности в своем мастерстве и силе.

Так прошла неделя, за которую я понял, насколько жалок и никчем, насколько слаб и неподготовлен и как бесполезно мое присутствие среди моей могучей рати...

Глава 3

Это предчувствие впервые затронуло меня в один из вечеров, когда я шел с очередных импровизированных состязаний наскоро побежденным и пристыженным. Шел я с поникшей головой и под прощальными лучами розового заката, в разбитых навсегда «розовых очках», в казарму, где впереди ежедневные ненавистные мне игрища с живыми игрушками — жертвенными агнцами.

Когда идущие мне навстречу эльфы-ангелы своими великодушными улыбками вынудили меня еще больше стыдиться, я вдруг понял, что облажаюсь... Я вдруг понял, что на мне ответственность, как бы я ни упирался и ни отводил глаза, что, возможно, где-то и впрямь ошибка, раз я не соответствую стандартам богатырей. Раз шестое чувство в груди кричит так громко сейчас: «Беги! Возвращайся в свой мир, пока не поздно!» И это щемящее сердце предчувствие беды, поворота не туда, предчувствие горя и потерь, и страх подвести команду, жителей городища, Доктора, а может, и все человечество, влезли в мой мозг и сверлили до тех пор, пока я не решился: «Вернусь! Нет, мне здесь не место, надо возвращаться — сгореть и вернуться. Но Фрея! Как я брошу ее? Всю эту неделю мы переглядывались, я тайком подкармливал ее, и даже удалось перемолвиться парой слов... Что же делать с ней?»

Еще с порога я услышал необычно громкие крики — в этот вечер в казарме особое воодушевление и возбуждение, ведь героиня сегодняшних игрищ как раз Фрея. Моя Фрея. Под грубое ржание, хлопанье ладонями по бедрам ее выпустили, а точнее, выволокли из клетки. И стоит она, стреляя своими удивительными глазами, в центре круга из богатырей, сидящих на полу, на грязной соломе. Такая маленькая на фоне огромных мужиков, такая беззащитная и совершенно не собирающаяся нападать.

Меня словно парализовало, я молчу и стараюсь не вмешиваться, не лезть со своим уставом в чужой монастырь, а только жду, когда же они поймут, что она не такая, как остальные, и уgomонятся, а лучше отпустят восwoяси, в лучших традициях русских сказок.

Но уgomониться никто не спешил, напротив, раздосадовавшись неудавшимся представлением:

— Выпускай шамана! Помнится, он особо горел убить ее! Синеокая!

Без церемоний открыли клетку с татуированным, бледным и почти слепым стариком. Глаза богатырей светятся в сумраке лихорадочным блеском, они в предвкушении крови, а я закипаю от негодования. Шаман шипит, рычит, кидается наощупь в толпу, получает уколы копиями, вопит от боли и все больше распаляется, багровеет и вдруг замечает Фрею. Обходит вокруг, принохливается, присматривается к фигуре и пытливо заглядывает ей в глаза своими бельмами.

У зрителей апогей, они смачно плюются, хлопают синхронно, и:

— Убей! Убей! Убей!

Я не выдерживаю, хотя, может, и стоило бы, но от страха за Фрею я ослеплен не меньше того шамана, что протягивает уже костлявые руки, чтобы вцепиться ей в шею.

Фрея смотрит на меня неотрывно, и губы ее шепчут: «Помоги!»

Для меня это как красная тряпка, как сигнал к действию. Я вскакиваю, влезаю между слепым стариком и Фреей, бью изо всей силы в безбородое, скуластое лицо и отпихиваю для верности ногой. Нокаут. Шаман теперь встанет нескоро — зато богатыри встают. Пахнет грозой в казарме, да и на улице громыхнуло, будто в темп моменту.

— Ты чего? — спрашивает грозно Воевода. — Она жертва Богу Войны, не боишься гнева его?

Голос мой от напряжения вибрирует:

— Нет! Не боюсь я ни Бога, ни черта!

Воевода побагровел, и его мощная челюсть затряслась:

— Каждый день, столетиями мы приносим в жертву варвара. День мужа, в следующий день жену, и всегда побеждаем противника, ты желаешь, чтобы удача отвернулась от нас?

Я закрываю корпусом девушку:

— Вы громите противника, потому что сами сильнее! При чем здесь Бог Войны?

За спиной Воеводы долговязый с козлиной бородой шипит:

— Да она охмурила его! Правду говорил шаман: ведьма!

Со всех сторон наступают, и если сравнить мои физические данные с данными оппонентов, становится понятно, что шансов у меня мало, а точнее, их нет совсем — но не отступлю. Поворачиваюсь к Фрее, обнимаю и закрываю своим телом.

«Пусть бьют меня, не ее!» — только успел подумать, как громыхнуло. И еще раз. И сразу колокол на звоннице дозорной вышки забил набат. Богатыри вслушались и как один, с энергией и скоростью, так не свойственной обычно высоким крупным людям, принялись собираться. Впрочем, про нас с Фреей они не забыли. Меня как щепку отшвырнули в угол, Фрею и шамана по местам — по клеткам.

Воевода кинул мне мою палицу:

— Чего глазеешь? С нами ступай! — и, малость придя в себя, на ухо: — Забудь ты эту ведьму! Хитрые они, варвары энти, спасу нет, не верь, хоть и особая она... В этом тем паче!

Но я не послушал. Когда все начали высказывать, — задержался и, пока никто не видел, отодвинул засов на клетке Фреи.

Прошептал:

— Беги! — «Даже если не будет она моей, так хоть спасу ей жизнь!» Улыбнулся сам себе: «А вот теперь можно и домой вернуться!»

Битва за оградой, за частоколом, что служит границей двух миров. И потому опять волшебный мир, но некогда мне его рассматривать, ведь бой, открытый и беспощадный, и, в отличие от предыдущего из моей реальности, он без стрелкового оружия, если не считать пары луков с дозорной вышки. Рукопашный и оттого вдвойне безжалостный и извращенный отвратительными смертями, хрустом ломающихся костей и треском черепов.

Здесь из сказочного: оживший пламенеющий старик-закат бросает прощальные лучи на поле брани, играет тенями и бликами, и шепот переговаривающихся растений. Здесь злой осязаемый ветер колышет окровавленные бороды и лохмы богатырей, будто пытается сбить с ног, а если не получится — помешать хоть немного.

Из реального — повсюду стоны, визг и брань варваров на незнакомом мне языке. Мы побеждаем, а противник наш терпит поражение. Свернуты шеи, вышиблены мозги и зубы, мертвецы на раненых, раненые на мертвецах. Все смешалось в одно кровавое рябое пятно. И я не отстаю, машу напропалую палицей, ломаю челюсти и вдребезги лохматые головы, как в последний раз, как перед прощанием.

Бой закончился так же быстро, как и начался. Выжившие варвары дышат тяжело и щурятся в сумерках, глядя снизу вверх на каменные лица противников. Живые — потирают ссадины и рычат от бессилия. Раненые — стонут и кричат. Мертвые — молчат.

На моем отряде ни царапины, словно не было битвы, даже и одышки нет — ловко они расправились с врагом. Но вдруг трубный гул, грохот, и зашевелился, заходил волнами живой лес, затрещали ветви и сучья. Поднимаются в лиловое небо птицы с лицами прекрасных нимф — но галдят, каркают, бранятся между собой, предвещают беду. На лицах побежденных варваров досада и боль — сменяются ликованием.

Богатыри переглядываются удивленно, а с вышки — набат во все колокола и крик:

— Штурм! Штурм, будьте готовы! Свершилось!

Вот и штурм... Чуть больше недели прошло, как я здесь, и уже. Вечно мне достаются передраги тогда, когда я меньше всего готов и меньше всего настроен давать отпор, хотя бы и потому, что интерес теперь другой, да и предчувствие. Очень дурное предчувствие!

Позади шорох. Это Доктор-Вожак — он тоже бился, пихает мне в шкуру, под бечеву, что вместо пояса, пластину — ту самую, что толще и грубее египетской, ту самую, что конструировал он в лаборатории. Бой должен продолжиться.

Сдвинуты кустистые брови богатырей, нахмурены их взгляды, все сосредоточие на лесополосе, а оттуда — мелкие и кургузые варвары, сплошь с перетянутыми головами, как в Египте, в одежде, свисающей мешком, но эта одежда — военная экипировка моего времени, и бегут они с автоматами наперевес. Понятен исход боя и без слов. Мне ли не знать, что несет автомат безоружному? Пары очередей хватило.

Недолго был конец: содрогнулась земля от тяжести падающих на нее тяжелых тел, дым поплыл поземкой по могучим торсам, алая кровь обагрила поле брани, и победный клич варваров эхом прокатился по лесу, вызвав отклик из сотен голосов здешних необыкновенных существ. «Все же хоть они и другие — эти богатыри, но из плоти и крови, совсем как я!» А я на земле, плашмя, и по инерции прикрываю руками голову.

Рядом со мной Воевода, с вывернутыми наизнанку внутренностями, сопит и дергается в предсмертных судорогах, видит меня и хрипит:

— Я же говорил, нет жертвы — нет удачи!.. Не верь ей... — Белеет, запрокидывает голову набок, а изо рта струйкой рыжая пена.

Я ползу. Бежать надо с поля боя — здесь все уже кончено, а у меня диск во рту, не хватало только, чтобы меня полонили и принесли в жертву какому-нибудь своему божеству. Поскольку сейчас я бессмертен, приносить в жертву меня можно хоть каждый день. Вижу Доктора — он вялой бледной рукой призывает меня приблизиться. Сквозь пелену дыма и пыли, слыша переговоры варваров и понимая — они ищут кого-то, стараясь не выдать себя, ползу к нему. У Доктора ранение в шею, как и у меня в последний день пребывания в реальном времени, и с каждым ударом сердца из артерии под давлением кровь, но он давит на рану пальцем, сдерживает немного поток ради последних мне напутствий.

— Пластина! Она на тебя не подействует — но в ней ДНК Ангелов, в ней их сущность, она перекроит... используй ее! Но не сейчас, только после смерти предводителя. А до этого береги как зеницу ока! Убей!.. Варваров...

Снова здорово! Сплошь ребусы! Итак: «Убей!» Убить я должен предводителя этих новых, экипированных и вооруженных варваров: но где мне найти его в этом хаосе? К тому же я безоружен, в отличие от врага. Хочу уточнить у Доктора, но он мертв уже — побелевшее его лицо обращено в небеса, металлический взгляд остекленел, а на губах легкая улыбка.

Как он и предрекал, после штурма его не стало рядом со мной, да и никого не стало — я в очередной раз остался один. И давит на грудь страх, и тоска в трудно понимаемом для меня мире. А рядом короткие выстрелы, добивают варвары раненых, вскрики, и из-за дыма не видать со стороны поля ни зги. Куда бежать? Кто подскажет?

От кустов шиканье, и машут мне рукой. Знакомые синие глаза сверкают в сумерках. Фрея! Я ошибался, я не один! Я рад ей как старому другу! Подползаю к кустам, к темнеющей в их ветках тощей фигурке, а оттуда бегом что есть мочи к перелеску и в чащобу, чтобы отдышаться, схватить нервную потную ладошку и снова бегом.

Подальше от убитых однополчан-богатырей, подальше от варваров, подальше от поселения, — а что там произойдет дальше, мне теперь недоступно знать, — да и чем я смогу кому-то помочь?

Глава 4

Ночь. Поляна, освещенная сизым светом звезд, и костерок. Тишина могильная, я в душе оплакиваю погибших, хотя и мало знал их, да и знал не с лучшей стороны. И будто в ответ моим мрачным мыслям ухает вдали одинокая птица, хотя, может, и не птица, вздыхает совсем по-человечьи, да потрескивает, изгибаясь, хворост в огне.

Зябко ночевать под открытым небом, а я еще на казарму грешил. Зябко, и не по себе от ожившего иссиня-черного неба, что моргает глазами-звездами, от благосклонно наблюдающей за нами девчущки-ивы неподалеку, от дремучего, стонущего на все лады леса. Хотя я уже начал привыкать к сказочности и неформату этого мира и знаю, что к чему, но все же не по себе.

Фрея в моем бушлате, но и он не спасает от холодного воздуха. То и дело она вздрагивает и икает, отрешенно глядя на резво играющее искрами пламя. Распахиваю шкуру, приглашаю погреться в объятиях, но девушка мотает головой и придвигается ближе к костру. Вдруг из распахнутой шкуры что-то вывалилось, шлепнулось глухо о землю, и глаза Фреи загорелись интересом. На спящей и от этого мерно дышащей, такой же сказочной, что и все вокруг, земле — золотая пластина, что дал мне Доктор. Блестит, переливаются отблески огня на зеркальной поверхности и возбуждает понять: к чему она?

Поднимаю, оглядываю — на ней топорно выгравирован один человечек, продолговатый и высокий, и скошен вбок, будто в поклоне, и больше ничего. Зачем она? Покрутил в пальцах, задумался: «Как получилось, что на варварах оказалось военное обмундирование из будущего? Да и «калаши» тоже оттуда... Головы перебинтованы и немного уже деформированы, совсем как у дикарей из Египта, но египетские события еще впереди, как?» Полный бред и загадка для меня. Но самое главное: дальше-то что? Куда пойти? Куда вставлять пластину?

Фрея подсказала. Ожилась внезапно, влезла ко мне под шкуру, прижалась и зашептала, запинаясь и коверкая слова:

— Здесь, в троих ночах, башен, строил его новый человек — это оттуда? — Ткнула пальцем в металл. — Там вверху такой же — желтый, как солнце! Такой!

Я нервно раздумываю, рыскаю в памяти и собираю по крохам:

— Конечно! Фрея, ты умница! — От радости целую ее в губы. — Пластину надо вставить в верхушку этой башни! В золотую, как желтое солнце! — Помнится мне, что в подземном городе я вставлял подобную... По всем законам жанра она должна уничтожить варваров. И если варвары погибнут, то после беспрепятственно я выпущу «ядро»... нестыковка только в их предводителе: его я вроде убить должен? Если верить Доктору... Но, может, и так получится? Без убийства?

Я напряженно думал и молчал, глядя на Фрею, на темное личико, на горящие нетерпением глаза. Она варварка, что же делать с ней?

Она поняла мои сомнения — лицо ее совсем близко, прерывисто и жарко дыхание, я целую ее, на этот раз осознанно, пламенем горит ее синий взгляд, а рука тянется к пластине, гладит, и шепчут губы совсем без акцента:

— Если так надо, я готова, ведь ты спас меня, дал свободу, да и терять мне нечего...

Да, терять ей правда нечего. Варвары, ее же соплеменники, готовы убить ее за отличающийся цвет глаз, а она так незащищена... так одинока... и так нежна ее ладонь, что поворачивает мое лицо навстречу своему... А дальше только хрупкая, неумелая в любовных утехх фигурка, теплый рот и синие, подернутые дымкой страсти глаза...

Этой ночью мне снился Доктор — не человек, не богатырь, а белое, размытое пятно. Словно привидение, оно возвышается надо мной и парит в воздухе легко и невесомо. «Оставь

эту женщину!» — говорит он, а голос — словно ручеек по стеклу. — «Вернись и убей предводителя! Он твоя цель! Пластина потом, только вот пластина не на...»

Бережно и мягко Фрея треплет мое плечо:

— Вставай! Надо идти!

Рассеянно озираюсь по сторонам. Тот же лес, тусклые лучи света, пробивающиеся сквозь стволы деревьев, тот лес — да не тот, меньше неведомых зверушек, меньше и тише женское пение, и все больше оно похоже на привычные мне трели привычных мне птиц. Солнце, с физиономией младенца, сладко позевывая, пробуждается, но и оно словно потерто, очертания смывы, и деревья-великаны шумят вполне себе обыденно.

Я гляжу на поломанные сухие сучья, на помятые вокруг костра кусты, и кажется мне, что здесь кто-то ходил. Вопросительно гляжу на Фрею, что прижимается ко мне обнаженным, тщедушным тельцем и целует нежно в шею.

— Кто-то был здесь? — Вопрос звучит жестко, неуместно ласкам Фреи и заставляет ее вздрогнуть. Она застывает и бледнеет.

Я злюсь:

— Кто? — Синие глаза бегают и вдруг наливаются слезами.

— Никого! Я просто ходил... дрова, я просто не понял твой вопрос... — Опять этот жуткий акцент!

— Ты собирала дрова?

Фрея испуганно кивает:

— Фрея замерз! — а очи ее печальные и полные слез, и я чувствую себя подозрительным глупцом.

Целую мокрое лицо, глажу по спутанным волосам:

— Прости!

Не сразу, но встали и оделись. Зябко и сыро в лесу, пахнет мхом и трухлявым деревом, но теплеет, весна побеждает, и набухли уж почки. И душа у меня, несмотря на все перипетии и загадки, поет от чувств к обворожительной, хотя и своеобразной дикарке. Да и природа вокруг поет, и все больше мне кажется, что изменяется эта загадочная реальность, все меньше и меньше в лесу чудес, все больше обыденных звуков и существ.

Вот комары кусают, звонко пища над ухом, стучит где-то дятел, а яркий диск солнца совсем растерял человеческие очертания, оно проглядывает сквозь кроны совсем не воинственных деревьев — такое нежное и многообещающее. И, в отличие от нашего путешествия с Доктором, лес и не думает задерживать нас, а наоборот, будто расступается, расчищает дорогу, подталкивает вперед... И мы идем, рука в руке, иногда целуясь, а иногда и больше, перепрыгиваем зеленеющие овраги, выискиваем тропки, идем к башне...

Фрея ведет меня, и ни разу не пришло мне в голову спросить, откуда она и кто ее родители. Кто ее племя, и если варвары хотят убить ее, почему не сделали этого раньше, учитывая их нюх и шестое чувство? Как дожила она до этого дня? И почему так уверенно ведет меня по дремучему лесу и звериными тропами к башне, словно проделывала этот путь сотни раз? Нет, я опьянен, и в моей голове ни единого вопроса, ни единой мыслишки, только бабочки — синие, как глаза Фреи.

Мы и не ели, и не пили почти, только путь, только одна цель, и у Фреи еще больше заинтересованности, чем у меня. К вечеру этого дня мир вокруг совсем растерял свои чудеса и чудесных обитателей своих, пели нам птицы как птицы, ветер дул как ветер, и небо над головами как небо — голубое, с прозрачными рассеянными облачками-перьями. Только вот солнце — потеряв лик, оно потускнело, посерело, будто подцепило какую-то хворь... солнце стало гаснуть...

За две оставшиеся ночи и за три оставшихся дня много раз я слышал подозрительный треск сухих сучьев за спиной, шелест, будто кто-то продирается через кусты — уже не чудовищные осьминоги-кусты, а кусты как кусты.

Да иногда в темноте ночи — ночи как ночи, только почему-то безлунной и беззвездной, весенней, остывающей после теплого дня — тени мелькают страшными очертаниями, скачут в ритуальном танце вокруг костра и, пропадая за стволами, растворяются в тумане. И только хрупкая фигурка под шкурой, теплый рот и жаркий взгляд остаются. И близостью лишают сомнений и страхов, заставляют презирать себя за подозрительность и стряхивать ощущение, будто нас преследуют и неотрывно наблюдают. Только Фрея живая, только она — друг и к тому же обязана мне жизнью, как и я ей. Мы повязаны, пылаем страстью друг к другу — так как же иначе?

Я успокаиваюсь, но ненадолго, и только лишь для того, чтобы вздрогнуть от шороха, треска или почувствовать чей-то пристальный, воспаленный ожиданием взгляд...

Глава 5

Третья ночь миновала, и третий день на исходе, а башни все нет.

— Ты не заблудилась? — то и дело спрашиваю я у Фреи.

— Нет! — Глаза ее загадочно поблескивают в полутьме, но рука крепка и тащит меня с цепкостью, силой и быстротой дикого зверя, будто боясь опоздать.

Наконец, когда почти уже стемнело, лес стал редеть, и показалась просека. Просека эта вывела нас на расчищенную, словно в ожидании нашего прихода, дорогу, в конце которой как есть пирамида. Не башня — пирамида, совсем как в Египте в те незапамятные времена, когда Пришелец только-только построил ее, и цвет — песочный, светло-коричневый, и форма. И верхушка сверкает таинственно золотом. Та самая верхушка, что хранит в себе смертельный заряд.

— Вот она! — Взгляд Фреи горит синим пламенем, и столько в нем нетерпения, что на мгновение я усомнился в правильности своих действий. Чему она так радуется? Радует, что сгорит сейчас, погибнет?

Словно уловив мое настроение, Фрея обнимает меня, плачет тихонько, уткнувшись в шкуру, и лопочет ломано:

— Фрея готов... готов умереть, надо Алексей быть счастливым, пойдем!

Тишина звенит как струна, и вроде слышно даже, как колотится мое сердце от осознания близкой разлуки. Вот она, теплая, живая, любящая и жертвующая собой! Убить ее своими руками? Вновь знакомое ощущение одиночества, почти сиротства. Она погибнет, а я останусь? Мне выводить ядро, мне отвечать за жизни: а готов ли я к такой ответственности? Нет!

Обхватываю ладонями милое лицо, заглядываю в удивительные глаза, понимаю, что не смогу допустить ее гибели, вздыхаю:

— Нет! К черту пророчества, к черту ядро, пусть все катится к чертям! — целую. — Давай жить, построим дом, оборудуем быт... я просто хочу счастья, человеческого счастья, разве это так много?

Снова целую нежное маленькое личико, вытираю слезы на нем, но она мотает головой, неотрывно глядя за мое плечо:

— Ты должен!..

За спиной откашлялись. От неожиданности я вздрогнул и развернулся, по привычке ища оружия, но у меня только палица, а здесь направленные на меня дула автоматов, и один из них держит бледный парень, симпатичный, хотя и худоват, с блеклыми глазами и одетый в черный балахон — почти точная копия меня в юности.

— Перестань, мать, довольно унижаться перед ним! — говорит парень, усмехнувшись, — да, я твой сын, отче! — Снова усмехается и стреляет мне в ногу.

От неожиданности и боли белые мухи в глазах, я валюсь набок, чьи-то жилистые руки хватают меня, застегивают за спиной наручники и волокут в сторону пирамиды. Диск у меня за щекой работает, с каждым шагом отступает боль, скоро и пуля выскакивает из ноги, звонко бьется о случайный камешек, а состояние наркоза сменяется паникой, и мысли одна мрачнее другой.

Фрея семенит рядом, обматывает на ходу свою голову прорезиненными, стягивающими бинтами, очень смахивающими на шину, что обычно используют при переломах.

Я обращаюсь к ней, и голос мой дрожит от осознания своей глупости:

— Что происходит, ты знала? Ответь!

Она прячет глаза и молчит.

Отвечает сын:

— Ты предашь ее в будущем — она платит той же монетой, но в прошлом...

— Когда, интересно, я успел предать ее? Мы познакомились недавно! К тому же я любил... — смотрю заискивающе в сторону Фреи. — «Слышала, не слышала?»

— Я же сказал, в будущем!

«Этот сын, разве мой? Откуда? «Близок, но полярен...», так вот о чем говорил Доктор! И откуда у сына такое равнодушие и ненависть к отцу? Когда я успел их чем-то обидеть?»

Больше на раздумья времени нет: вот уже подножие пирамиды, справа чернеет вход, внутри темно. Сопроводители мои зажигают электрические фонарики и волокут меня по крутым каменным ступеням вверх. Лестница, темный коридор, комната абсолютно квадратной формы, в центре дверь. За дверью еще одна лестница — такая узкая, что, будь я полнее, вряд ли протиснулся бы, но она ведет к верхушке, что на поверку полая внутри.

Сын бормочет:

— С диском я справился, заряжаю им воду, могу отправиться и отправлять в прошлое, а вот с пластинами... Чертов Доктор настроил их на тебя. На твою ДНК, и хотя ДНК у нас с тобой почти идентичная, все же мать у меня, как вы любите выражаться, старый, ущербный вид...

Я судорожно дергаю руками в наручниках, но не надо больше усилий, они щелкают, и я свободен, хотя и ненадолго, потому как сразу же варвары в повязках скручивают меня в рог, вывернув суставы, и от боли я воплю:

— Объясните, чего вы хотите? Может, и не нужно меня мучить?

Сын безумен — хохочет, и смех этот зловеще растекается по стенам:

— Вашими с Доктором генетическими экспериментами вы собираетесь породить человечество: новый вид. А я хочу царствования на Земле этого старого, ущербного вида. Только они способны к гармонии в силу своих традиций, способны сохранить первозданной планету — пусть и в силу инфантильного ума. Они должны остаться, а человек не появится вовсе, ведь он в грехе своем и стремлении к комфорту любой ценой способен только разрушать. Будет так, как я сказал, иначе... крах... конец. Мутанты, черная дыра, конец света... каждый раз одно и то же, вслед за приходом людей история поворачивает в эту сторону. Мутанты — черная дыра — конец света!

Фрея молчит в растерянности и смотрит на меня с плохо скрываемой жалостью. Сын же царственно дает отмашку, и в последующие доли секунды холодная рука рыщет под шкуркой, достает пластину, вкладывает в мою побелевшую от мертвой хватки ладонь. Меня подтаскивают к нише в стене и, придерживая за волосы голову, дабы я смотрел вперед, вставляют моей же рукой пластину в выемку.

Свет, белый, слепящий, на мгновение будто остановилось время, и даже руки, удерживающие меня, стали неосязаемы и бесплотны: поблекли краски, застыли взгляды, но это лишь мгновение. Затем темнота стала еще темнее, даже лучи фонариков потускнели, и победный клич, не стесняющийся уединенного места и тишины в нем, а громче всех кричит мой неизвестно откуда взявшийся сын.

— Все! Одно дело сделано! Теперь обратно, нам предстоит выпустить людей — они должны умереть! Хотя нет, это слишком просто, пусть они докажут свое право на жизнь! Сначала пусть поборются за свое существование... «Ущербному» виду докажут, что они достойная замена, убедят меня, что я не прав... пусть побудут подопытными кроликами, — и совсем полоумно. — Эксперимент! Теперь они — мой эксперимент!

Я гляжу во все глаза на распалившегося своего сына, и слышится мне в его пафосных речах безумие, я бы сказал — фашизм улавливается в торжественных нотках голоса. Фашизм наоборот. Дикари, варвары, низшая раса хочет диктовать правила на правах сильнейших, на правах более выгодного своего положения.

Снова щелкают наручники, и я в недоумении: так какой же эффект от пластины? Все живы и здоровы. Или, может, она не подействовала из-за резиновых бинтов на головах варва-

ров? Да, скорее всего, так и есть. Впереди три ночи пути, может, удастся сбежать, а еще лучше — убить этого сына, к которому я не почувствовал ничего, кроме отвращения.

Обратный путь я прошел в наручниках и на поводке, и сколько бы я ни задавал вопросов, сколько бы ни давил на окружающих, то угрожая, то стеноя, то моля о пощаде, в ответ мне не было никакой реакции. Меня не замечали, и только сын ухмылялся недобро, да Фрея печально отворачивала свой синий взгляд.

Солнце погасло окончательно, а с неба то и дело лил мелкий противный дождик, я вымок и замерз, к тому же меня не кормили — впрочем, не ел никто, что меня крайне удивляло. Ладно я, с диском во рту организм балансирует обмен веществ, кровь работает, и, хотя чувство голода преследует меня постоянно, но мне это не смертельно, — остальные-то чего? Они такие же? Ну да, наверное... судя по одежде и оружию, они из будущего.

Я пытался заговорить с сыном, объяснить ему, что к генетическим экспериментам Доктора не имею никакого отношения, на что он только фыркнул, качнул головой и ответил:

— Ой ли?

Меня обуревали догадки без отгадок: чем я мог обидеть Фрею? Сына? А еще страхи. Голод, холод и преследующий страх. Что со мной будет дальше? Ну, выпущу я «ядро», потом что? Я смотрел на сына, и ни разу в лице его не промелькнуло ничего похожего на сочувствие, на родственную привязанность: да и какой он мне сын? Разница в возрасте между нами от силы лет десять. И с его стороны только отстраненность, отчуждение и маниакальное упорство доделать задуманное до конца, любой ценой, хотя бы и ценой жизни отца, пусть, если понадобится, и матери, потому как и к Фрее не увидел я в нем особой любви.

К Фрее я тоже обращался, заискивал и объяснял, что не знаю ни о каких предательствах, а также клялся в преданности, обещая помнить эти наши три ночи всю оставшуюся жизнь, сколько бы ее ни осталось, и только по этой причине не предавать. Напоминал, как пытался защитить ее от гибели еще в городище, как перед той последней битвой открыл ее клетку...

Она вздыхала тихонько, задумывалась и, казалось, решалась на что-то, и так она жалка в бинтах на голове, так бессильна... и так трепетна и желанна, несмотря ни на что.

Спал я без сновидений, хотя и жаждал, чтобы мне приснился хоть кто-то, кто подскажет, чего делать, как выходить из этой ситуации и что меня ждет. Пусть Доктор, пусть и Азанет, перед которой мне теперь стыдно и что твердила мне в последних снах: «Предатель!» Пусть хотя бы Пришелец приснится, которого я ненавидел и желал когда-то смерти: хоть кто-то! Но нет, только раз в неосознанном бреду, вызванном голодом, жаждой и страхом, кто-то крикнул в ухо: «Молись!»

Но я не молился, да и после последних передрыг меньше всего я настроен был на молитву, а больше — на осмысление происходящего, на попытки вспомнить, сопоставить, проанализировать сказанное Доктором по поводу этого времени и населения его.

«Пангея... плоский блин, суеверия и божества в головах у варваров... а у хомо сапиенс другое... Но почему сказочный вид этого места поменялся на привычный моему восприятию? Может, дело в том далеком воспитателе варваров? Может, он внушает им нечто из восприятия хомо сапиенс моралис? Может, поэтому здесь погасло солнце, и звезды, и луна, а с неба то и дело сыплет изморосью?»

Надежды на побег не осталось — оставались дождь и холодный ветер, пронизывающий насквозь даже через шкуру, и шершавый ствол дерева, к которому меня приковывали на ночь цепью, идущей от шеи к рукам.

Но в последнюю ночь, когда я особенно плохо спал, я услышал знакомое прерывистое дыхание, ощутил прикосновение потных маленьких ладоней к запястьям и шее. Фрея! Звякнуло металлом, замок моих цепей заскрежетал, оковы мои под тяжестью своего веса соскользнули, словно тяжелый моток живых змей. На миг я почувствовал себя легким, как перышко, свободным, как ветер, и разозленным, как волк. Сейчас не поздоровится моим тюремщикам!

Но, падая, цепи забренчали, шмякнулись о землю слишком шумно. И, не дав мне даже как следует опомниться, ко мне подскочили черные тени, стиснули руки, прижали затылком к стволу. Зазвенело металлом — еще минута, и я снова пленник, теперь уже точно без надежды на побег. В темноте не видать, только слышно, как возятся, что-то шлепнуло, голосом Фреи вскрикнуло и затихло.

Под утро шепот, вроде сын мой отчитывает мать:

— Как ты могла? — Ему не отвечают, а только стонут как от сильной боли. — Ты же прекрасно знаешь, он убьет меня! — Снова стенания. — Он — отец? Ты любишь его? Предателя! — и мягче уже: — Выбор за тобой, но если ты с ним, значит, против меня, а если ты против меня, значит, против наших целей... — В ответ мычание, отрицание, вздох и тишина. — Так-то лучше...

Еще половину дня пути прошли в полном молчании, поскольку к моим оковам прибавился еще и кляп во рту, дабы я не морочил Фрее голову своими уговорами и не надоедал окружающим угрозами и попытками разжалобить. Но вот и оно. Городище. Смерд от непогребенных тел богатырей и варваров, каркает над ними воронье, и поле брани теперь сплошное гниющее месиво из останков. Ворота нараспашку, за ними ни души, только кудахчут куры да блеют овцы, разбежавшиеся вокруг частокола.

— Не будем медлить, надо открыть вход к «ядру»... — властно сказал сын, и меня потащили к зданию казармы.

Мрачной, унылой развалиной стоит казарма — еще недавно здесь было шумно от смеха и грубых шуток богатырей, а теперь над ней воронье кружит, да и над всем поселением дух скорби и смерти. Вынули кляп.

— Говори, где вход? — В тоне сына нетерпение.

Я деланно округляю глаза:

— Какой такой вход? Не знаю ни о каком входе!

— Ой ли? — процедил сын и приказал открыть ставни окон казармы.

Там, в темноте и духоте, друг на друге — «убогие»: избитые и искалеченные, скованные одной цепью. Блестят в полутьме их глубокие печальные взгляды, но пальцы к губам:

— Т-с-с!

— Не знаю! — Голос мой — кремь.

— Что ж, выводите по одному! — Голос сына не мягче.

Выволакивают первого попавшегося, приставляют к светлой и будто позолоченной особой тенью голове автомат.

— Где?

Я, помня наставления Доктора:

— Не знаю, хоть убей...

— Убей! — спокойно дает отмашку сын.

Прикладом по голове, вдребезги висок, а следом пуля. Шлепок о землю тела, и понятно, что и «убогие» тоже из плоти и крови, как и братья их — богатыри. Я вздрогнул и глянул растерянно на остальных.

— Т-с-с! — Ничего не поменялось, «убогие» непреклонны, но и сын тоже.

— Следующего!

Выволакивают еще одного. Смотрю на него: он красив идеально и даже в обстановке угрозы жизни царственен, кроток и невинен. Молчу.

— Убей! — В голосе сына злорадство. — Этого без пули, нечего тратить их впустую!

Варвар бьет прикладом по голове «убогого», разбивает, долбит, как мой отец когда-то долбил меня. Не знаю, почему мне вспомнился этот эпизод жизни именно сейчас, я давно забыл те события и давно простил отца. Или не простил? Глаза «убогого» зажмурены, он весь уже окровавлен, слиплись золотые волосы, и постанывает он тихо и тонко.

— Стойте! — Я не выдержал, воспоминания лишили меня выдержки. Тогда меня спасли, а я спасу сейчас. — Стойте! Черт с ним, с ядром, и черт с людьми, может, и правда они не имеют права на жизнь, ведь грешны, а эти, «убогие», они безгрешны и не заслужили страданий...

— Так-то лучше! Веди!

Понуру и безвольно бреду к дому Доктора-Вожака. Солнца нет, и моросит уныло дождь, и пустынно вокруг: опущены ставни, поникли крыши, и трубы помпезных строений не испускают дыма.

В доме Доктора не лучше: не горит лучина, и печь потухла давно, а вход в лабораторию чернеет мрачной бездной. При свете фонариков спускаемся, проходим в лабораторию, здесь по-прежнему синий свет и на месте постамент с каменной сердцевиной, олицетворяющей солнце.

Смотрю в центр, как учил Доктор: щелкает что-то, синий луч вырывается из выемки. Образуется светящийся шар, как в Египте, в этот шар втискивают мою голову, и начинается вращение каменного круга, а после каждого поворота — щелчок. Наконец вращение заканчивается, со скрипом и скрежетом отъезжает плита постамента и открывается взору лестница вниз.

— Достаточно! — смачно растягивая слова, говорит сын, он не может сдержать радости и смотрит на меня почти ласково. — Этого нам вполне достаточно! А теперь казнить! Сжечь всех! И отца в первую очередь!

Фрея бледнеет, тянет сына за рукав балахона:

— Как сжечь?

Сын выдергивается, морщится и цедит:

— Помолчи, мать, так надо... это единственный выход для него... сейчас...

От страха и осознания неизбежного я трясусь и бормочу:

— Чего ты этим добьешься? Я вернусь в свое время, и все!

Сын усмехается, а мне очень не хочется гореть и очень не хочется проигрывать. Ни одного наставления Доктора я не смог воплотить в жизнь. Сдал человечество в попытке спасти других — «убогих», но не спас. Все напрасно.

Тащат меня к казарме. Зажигают факелы, обкладывают хворостом и соломой стены, впикивают внутрь меня, прижимают двери деревянными подпорками, и я чувствую уже запах гари, и трещит сырая стена, согреваясь живым огнем.

«Убогие» молчат, только жмутся друг к другу и поблескивают в темноте их прекрасные глаза.

— Т-с-с! — прижимают пальцы к губам.

Из окна видно, как сын потирает руки, смотря на итог своей работы. Но мало ему — не хватает ощущения полной победы, не хватает криков и воплей, не хватает видеть, как горят живьем, не хватает паники и увечий. Потому он подходит к окну, в садистском любопытстве заглядывает внутрь.

Я не уйду один, теперь я это знаю! Я рядом. Хватаю за балахон и с силой, на которую способен только обреченный на смерть, тяну на себя. Затаскиваю его в задымленное уже и горящее со стороны стены помещение. Без раздумий тащу через сбившуюся толпу высоких, безгрешных, но бесполезных в борьбе за свою жизнь «убогих» как раз к горящей стене, к открытому огню.

Фрея кричит истошно за окном, но я не слушаю. Хотя что-то я сделаю из того, что завещал мне Доктор, — убью предводителя. Пускай и близок он мне, и смотрит в изумлении своими-моими блеклыми глазами. Мне плевать. Молнией, электрическим разрядом в голове воспоминание из детства: опять не вовремя! Опять в неподходящий момент...

Мой отец — так же похожий со мной, как и я с сыном, — бьет в мою голову, будто хочет расколоть и посмотреть, что внутри. Рука приятеля тянет его за рукав. Почему тогда он так целенаправленно убивал меня? Ведь я его сын! Так ведь и этот — тоже сын! Волосы и балахон

его горят, пламя подбирается к лицу, охватывает, лижет, разгорается, чем больше я пытаюсь затушить его. Пытаюсь спасти, уберечь, но поздно. Крик: нечеловеческий, утробный и жуткий. Вырывается столп пламени из стены: жарким, жгучим, огромным языком пробирается в толпу и обволакивает и «убогих», и нас с сыном. Объятья, мы слипаемся расплавленной кожей в одно целое.

Отец и сын.

Все завертелось, завывало, круговорот из частей тела, из молекул и атомов, и в этом вихре я не один на этот раз. Мы возвращаемся, я знаю, возвращаемся в мое время, в мою реальность, что и не моя уже, ведь сын переиграл отца. Он победил.

Сцена, освещенная ярким светом прожекторов. Я в центре, у микрофона, а из зала сотни любопытных глаз. Пахнет дорогими духами, и видно, какие нарядные и изысканно одетые зрители внимают мне. Аплодисменты, выкрики: «Браво!»

Суфлер снизу подсказывает:

— Есенин! Читайте, товарищ, люди ждут! — Лихорадочно пытаюсь вспомнить хоть что-то из поэзии Есенина или какой-нибудь вообще поэзии, но на уме только: «У лукоморья дуб зеленый...» Неудивительно, ведь я только что сгорел, вместе с сыном и неизвестными миру созданиями. А собственно: где я сейчас, куда попал?

Меняется пространство. Яркая сцена и нарядные зрители меняются. Диск болтается во рту, а сам я болтаюсь в подвешенном состоянии на нескольких канатах. Прожектор теперь — свечи по линии сцены. Воняет гнильем, а вместо суфлера нестриженный и небритый мужик озвучивает разными голосами и меня, и висящего рядом такого же.

Я актер театра. Театра кукол-марионеток, здесь они живые, и я одна из них...

Саранча и коммунизм

Глава 1

Дергаюсь, вырываюсь, из темноты зала смех, ко мне подплывает мой подвешенный сосед, он в синей маске и с плетью.

Из зала выкрики:

— Бей его!

Человек словно неживой: обмякший, и руки его висят. Но сверху дергают, рука с плетью поднимается, приподнимает голову и сам человек, сдавленно хрюкнув, замахивается. Стегает меня по ногам и по корпусу — благо я одет и в шкуре. Затем приводят в действие его ноги, на носках драных ботинок — шипы, а целится он в причинное место.

Я кричу, вырываюсь, но руки и ноги мои связаны крепко, да поддерживается нужное положение с помощью деревянных штырей.

Из зала возбужденное дыхание: зрители постанывают от удовольствия, а со сцены видны глаза и очертания голов. Глаза эти огромны, от носа к вискам, а головы вытянуты — все как у Пришельца. От боли и страха теряю сознание.

Холодом и сыростью окатило с головы до ног — облили водой из ведра. Тут же веревки поднимают вверх, в руках у меня меч, а по краям сцены еще и факелы зажгли. На месте мужика с шипами и плетью — юная девушка: напoмаженная и в пожелтевшей от старости балетной пачке, скулит тоненько.

А из-за деревянного, грубо сколоченного макета дворца снова тот мужик — вроде он здесь главный агрессор — летит, забирая ногами по полу, с целью избить и ее. Он как вареный и просыпается только когда его дергают сверху. Меня дергают также, побуждая приблизиться к ним.

Палач уже бьет девушку, но кукловоды сверху поднимают мою руку с мечом:

— Я убью тебя, гадкий Идол! — озвучивает действие суфлер, и вроде это мои слова.

— Убей его! — голос суфлера повысился до фальцета — он озвучивает девушку. А сама девушка визжит от боли и повисает на веревках в обмороке.

Я бью ее истязателя в лицо и тут же получаю шипом в пах. Еще чуть, и я бы заговорил фальцетом, и это злит меня. И непонятное это действие злит, и весь этот театр абсурда.

Голову мужика поднимают, из-под маски кровь, видимо, я разбил ему нос:

— А-ха-ха! Я бессмертен! Я — Бог! А вы нет — не бессмертны, и потому вам обоим смерть! — голова оппонента болтается, судя по всему, после удара он тоже потерял сознание — за него суфлер говорит рычащим басом.

Меня влекут еще ближе, почти вплотную, поднимают вновь мою руку и кладут меч ему на плечо:

— Умри! — сквозь маску я вижу глаза своего оппонента — бездумны и пусты они, только ожидание конца в них, никакого страдания.

Секундное дело, и я убиваю. Пусть не своей рукой, но все же. Размах, и голова с плеч: гулко застучала она по деревянному грязному полу в нетерпеливой тишине, а истерзанное тело обвисло вялой тряпкой, выпуская артериями кровь.

В зале тишину разорвали аплодисменты и свист, потянулись веревки, и нас с женщиной унесли за кулисы. Со сцены подняли отсеченную голову, пронеслось мимо и безжизненное тело, которое тут же сняли с веревок, чтобы на его место прицепить человека в такой же маске и вынести обратно.

— Я — Бог! — прорычал за него суфлер все тем же басом, — и потому — бессмертен! Я найду того мятежника, что осмелился бросить мне вызов, и тогда! — и дальше он описал с пристрастием, как выпотрошит внутренности, выколет глаза и ампутирует все, что торчит из мужского тела.

И я верю ему. Верю и предчувствую, надо удирать, пока не поздно, ведь диск отдельно от меня, хотя и во рту, и не способен исцелять.

Мужика в маске плавно унесли со сцены к нам, а его место заняла стройная дама с золотыми волосами и в платье из золоченых перьев — пришедшая, кстати, туда своими ногами, а не подвешенная за веревки.

Она криво станцевала под звуки губной гармошки, воспроизводимые все тем же суфлером, а в конце пропела мелодично:

— Продолжение завтра! Приглашаем всех желающих на спектакль! — на этом действие завершено.

Из ран моих после попадания шипа сочится кровь, а избитая девушка низко постанывает, прислонившись к замызанной стене, и в глазах ее отрешение и пустота.

— Отца убили... — прошептала она, но нет, ни горя, ни печали — только констатация факта.

— Какой год? — первый вопрос, пришедший мне в голову.

— Девяносто восьмой. Столетие, видно, уже некому будет встречать, — отвечает односложно и не удивлена, что я не знаю элементарного.

Зато удивлен я:

— Не понял...

— Девяносто восьмой год от пришествия Принца — Принца Идолов. Но раньше, до пришествия, их называли варварами... теперь они идола, мы же зовем их «саранчой»...

Мимо пронесли пыльные деревянные декорации, плоские деревья, выкрашенные с одной стороны яблонями, с другой березами, проплыли облака на веревках, и слышно, как за кулисами расходятся зрители.

Зашуршало, кто-то выругался, и из темноты вынырнуло синее длинное существо с вытянутой головой и огромными глазами. «Пришелец?» — нет, это не он, хотя и одной с ним масти — этот полнее, и в чертах, и в глазах, и в приоткрытом рте бессмысленное удовольствие от увиденного спектакля.

А мне неожиданно вспомнились стихи Есенина, коих требовал от меня суфлер из первой реальности, в которую я попал после того, как сторел: «Простись со мною, мать моя, я умираю, гибну я!»

Сверху начинают слезать те, кто дергал за канаты:

— Bravo режиссеру! — говорят они механично, и странно мне видеть такими заторможенными обычных людей, и понятно, что произносили они эту фразу не раз.

Режиссер ухмыльнулся:

— Завтра апогей, развязка, привяжите-ка этих покрепче! Во второй части свершится возмездие...

Помощники подобострастно закивали, начали путаться в веревках, а режиссер, видя их неловкость, вздохнул:

— Имбецилы! Как бараны, чест-слово, и те, и эти. Эти привязать крепко не способны — те бегут как крысы... вот, в прошлый показ утопали, и на той неделе — аж два раза!.. А ведь премьера была! Хорошо артистов пруд пруди, размножаются, на то и имбецилы... — продолжая ворчать себе под нос, он пошел не глядя, мимо нас, за обшарпанную деревянную дверь, за которой, судя по стукам и шуму, сразу улица.

Ох, ничего мне здесь не понятно, но я умею считать, и если я вернулся в свой 2015 год, то значит, пришествие Принца было в моем летоисчислении в 1917 году. Вместо революции пришествие, а может, и революция была, только вот кто против кого и с какой целью?

И почему мне так хочется встряхнуть за плечи, вернуть к нормальному восприятию здешних людей? Так называемых имбецилов? Почему они словно неживые? Да и девушка такая же: миловидная — на вид не больше двадцати пяти, с русыми, затянутыми в тугий узел волосами и с томным взглядом блестящих глаз, но вот смотрят эти глаза в одну точку, а грудь, полная, вздымается слишком равномерно и свободно. Не похоже, чтобы боялась эта девушка, что завтра нас зверски убьют. Не похоже, чтобы вообще понимала свое положение — все у нее без эмоций.

Я огляделся. Помещение холодное, темное, без окон, захламленное инвентарем и декорациями, стены обшиты проплесневелым деревом, и воняет помойкой, туалетом и еще чем-то сладковатым, вроде кровью, может, и нашей, может, и предыдущих артистов.

Кукловоды наши постарались на славу, привязали нас к опоре для потолка, а для верности еще и на шею петлю, и с чувством выполненного долга, кряхтя и вытирая потные лбы, ушли — такие же биороботы, как мои товарищи по несчастью.

Девушка вздохнула, откинулась спиной на балку и закрыла глаза.

— Как тебя зовут-то? — прошептал я.

— Хм, то ты не знаешь... — Соня!

— Теперь знаю!

В голосе ее усталость:

— Ты умом тронулся? Как отец?

— Что за отец?

— Да твой отец! — Соня открыла глаза, оглядела меня, в видимой уверенности, что я сумасшедший. — Он все ждет пришествия кое-кого, хотя уж никто не ждет... все верит, что придет кое-кто, не знаю кто...

«Что за набор местоимений?» — ну да ладно, не это сейчас на повестке дня.

— А где он, отец?

— Убили его, ты же только что и убил... сын убил отца!.. Ах, как это в духе «саранчи»... — и снова закрыла глаза, демонстрируя, что все происходящее ее совсем не касается и это не ее убивать собираются. Поразительная выдержка для приговоренной!

Меня словно током дернуло. Отец, сын... А сын-то мой где? Горели вместе, а в эту реальность попал я один. Куда он мог подеваться? Горим, взрыв, атомы тел... Меня осенило. Словно снова водой окатили. Да он и есть Принц! Он переместился, но тут же вернулся на девяносто восемь лет назад, что-то поменял, где-то изменил ход истории, а итог: вот он. Станный мир с театром обреченных на смерть живых марионеток. Это объясняет и то, что поначалу я вернулся все-таки в реальность, где со сцены стихи читают. Сплошная неразбериха, но кое-что я уже начинаю понимать.

Впрочем, и я, конечно, натворил, пусть и не по своей воле, но по своей опрометчивости, сунул пластину. «В ней ангельская сущность...» — вспышкой молнии последние слова Доктора. Конечно! Сущность существ из поселения, не способных драться, защищая себя...

От понимания сотворенного меня бросило в жар. Перекроила пластина человечество, сделала из агрессивных, в полезном смысле этого слова, грешников аморфных, терпящих любые унижения «убогих»... А я еще и вход открыл!

Н-да, переиграл меня сын, снова переиграл, снова победа за ним! В бессилии я поприжимал диск к щеке, но бестолку, Впрочем, не особо-то я и рассчитывал на перемещение назад. Подергался, проверяя крепость веревок, — и это так же бестолково, они крепки, к тому же от моих манипуляций петля на шее мужика в синей маске стала затягиваться, и он захрипел.

— Как же вы жили до пришествия? — спрашиваю я Соню, но вместо нее ответил придушенный мужик.

— Хорошо жили, дружили, хлеб делили! Пока Принц не одел головы варваров в бинты. А потом, когда начали расти и меняться они, — перекрасил. Кольцо у него, в нем вместо камня — плоский кругляш железный, или еще какой металл... Так вот, этим кругляшом он воду заряжал, а варвары пили и синели. Теперь они синие, а синие и не знают другого, как убивать. Нас убивать. Имбецилов. Мы перестали быть с ними похожими, мы отстали и в морали, и в физике, мы низшая ступень эволюции... — голос его монотонный, как у учителя на уроке.

Этот голос — еще один ушат воды на меня: «Отец!» — и я не верю ушам своим, и уже открыл было рот, чтобы закричать, но вошла Соня:

— Отец Михаил, так вы живы? То-то я думала, рост вроде не ваш, тот, другой, вроде пониже! Так вас подменили? — и мрачней. — А я думаю, — почему вам не открыли лицо? Хм, неудивительно, зная «саранчу», завтра с вас сняли бы маску, чтобы сын увидел, что убивает отца!

— На все воля Божья! Молись, дочь моя... и ты, сын мой, молись, — ласково проговорил отец, — Бог защитит нас...

Мне захотелось рвать и метать от его благосклонного тона и неуместных обстоятельствам слов, я рад и не рад встрече и не знаю, как вести себя, знаю одно:

— Молись? И все? Бежать надо! — От рвения и досады диск вылез из-за моей щеки, на мгновение показался и снова исчез во рту.

Мгновения этого оказалось достаточно, чтобы отец вздрогнул, радостно задержался и зашептал:

— Да ты же Князь! Ну-ка, открой рот, покажи, что у тебя там? У тебя такой же кругляш, как у Принца в кольце! — и совсем ликуя, — Хо-хо! Князь явился наконец-то! Соня, глянь, то-то я думаю, вроде злится он! Я еще недоумевал, к чему все эти расспросы, будто парень только родился и не ведает ничего? А ты не верила! А я говорил: по вере вашей будет вам!

Соня равнодушно окинула меня взглядом, зевнула и вполне обыденно пробормотала:

— И что? Завтра его убьют, Князя вашего...

— Бежать! — повторил я.

— Молись! — повторил отец, и в этом мире слова его для меня совершенно неуместны и лишь подтверждают гипотезу о продекламированной Доктором сущности «убогих». Те тоже только и молились, но это действие не помогло им в минуту смертельной опасности.

Да и в ссоре я с Богом. После смерти матери в ссоре, после бесполезных расшибаний лбом бюрократических препон с целью достать ей лекарств, а потом хотя бы обезболивающих, после ее мук, целований креста не в силах терпеть эти муки, после ее молитв за упокой самой себя... А последняя капля: смерть моего друга Сени. Его ранили, поймали, замучили и подкинули в истерзанном виде еще живого, да только несовместимого уже с жизнью...

Где Бог? С тех пор тиски сжали мое сердце, крепкие оковы стянули душу, и о Боге я больше не думал. А теперь снова напоминание. Ни к чему мне молитва здесь? Здесь мы сидим в вонючем закутке, ожидающие смерти, со стянутыми накрепко запястьями, не дающими даже пошевелиться, с саднящими ранами и почти без надежды на спасение...

Соня и отец, не обращая внимания на мои недовольства, склонили головы и зашевелили беззвучно губами, чем привели меня в крайнюю степень бешенства — но вдруг, будто в ответ им, щелкнул замок двери, в которую выходил режиссер. В проем просунулась длинная синяя голова, и втиснулся на цыпочках худощавый незнакомец.

Он пошарил взглядом по помещению — привыкая к темноте, увидел нас, ухмыльнулся, достал нож и принялся резать веревки, приговаривая:

— Великий постановщик! Я ему покажу: «великий»!.. Бездарность он! Был бездарностью, есть и будет!

Я онемел от неожиданности — но на нас он почти не смотрел, да и не надо, а лишь сосредоточился на мести конкуренту, вероятно, режиссеру этого театра.

Наконец, покончив с веревками, не церемонясь и не обращая никакого внимания на наши увечья, он рывком поднял нас за шкирки и подтолкнул к выходу:

— Бегите, имбецилы! Вот будет потеха, когда ваш кукловод обнаружит пропажу! — Незнакомец довольно улыбнулся, страшно растянув лицо, и я вздрогнул. Никогда прежде не видел я такого уродливого лица, такой страшной гримасы. Пришелец никогда не улыбался, лишь ухмылялся, да и то не так зловеще и садистски, как этот синий, — но не до того сейчас.

Беру за руку растерянную Соню, боковым зрением вижу освободившегося своего отца, тот берет вторую руку девушки, и мы бежим прочь.

В сырую темноту весенней улицы, по жидкой грязи, какими-то трущобами и хаотично натыканными двориками у сумрачных хижин, труднопроходимыми свалками из мусора и гнилой трясины. В полный мрак ночи, освещаемый лишь полной луной — бледным диском, светившим из-за дымки в небе...

Глава 2

Нервно озираюсь и иногда останавливаюсь, чтобы отдышаться и посмотреть направление, раны саднят и кровоточат, а то, что я вижу вокруг, повергает в шок.

Полуразрушенные здания, очевидно ранее прекрасные в своей архитектуре, теперь зияют выбитыми стеклами. Они облезлы, покромсаны и обгорелы, хотя и жилые. К ним тут и там, как рыбы-прилипалы по всему периметру приклеились щитовые сараи, хаты-мазанки, кое-где двухэтажные, кое-где горит свет, но очень тихо и тишина эта могильная и гнетет. Во дворах черными грядками свежевспаханные огородики, в коих удобрения в виде человеческих фекалий и емкости для сбора дождевой воды разнообразного вида, от ржавых корыт и кадок, до просто распахнутых старых зонтов. И повсюду, повсюду смрад и зловоние и грязь, и упадок, и веет смертью, и веет жизнью на грани выживания — кровью веет.

Как я мог допустить такое? Ведь предупреждал меня Доктор, а я не внял! Не подготовился, не мобилизовался, а относился ко всему как к приключению, как к круизу на море, приятному, интересному, с прекрасным и необычным курортным романом, но проходящему... — все как в подземном городе...

По дороге нам попадаются люди. По углам и кустам, прячутся в страхе. Тут и женщины и дети, чумазные, истощенные — белеют в потемках их глаза, а при нашем появлении шарахаются люди в первобытном страхе за свои жизни, но в лицах их спокойная отрешенность и привычка терпеть. Стыдно перед ними. Жалко их. Исправлять надо оплошность и недальновидную глупость свою. Диск дал мне бессмертие, но в том мире, в прошлом — здесь же я смертен и уязвим, а мир этот смертоносен любому смертному. Фрея сбила мои мысли и повела через тот лес, к такой реальности... Фрея сбила, а я поддался... Пусть она и любима мной, пусть и любит, ведь хотела же спасти... но все же... эх, дурак я легковверный! Раб минутных своих желаний...

Мы продолжаем путь. Перебежками, озираясь и заражаясь всеобщей удручающей обстановкой. Подгоняемые опасностью и боясь преследования, выбегаем на пустынную дорогу, а за ней опушка и издали в лунном свете до середины в плавном густом как молоко тумане виднеются воткнутые в землю деревянные кресты. Пора остановиться и понять куда бежать и куда мы здесь сможем скрыться, а также, самое наболевшее: куда я попал, где моя реальность, и что это за мир такой, что за место и страна? Но взгляд притягивают кресты, ведь видится мне на них шевеление и вроде слышатся стоны и вскрики.

— Кто там? — спросил я отца.

— Имбецилы. Претендующие на звание Князя... «саранча» тоже ждет, и подозревает каждого... — ответил он так тихо, как только способен. — Убираться надо отсюда, как бы и самим не загреметь... — Но тон меланхоличный: все для него в порядке вещей.

Я же в шоке, в злости на самого себя и на отца, что равнодушен к висящим неподалеку обреченным и умирающим, но больше на себя.

— Куда убираться? — так же тихо поинтересовался я, и дыхание мое уже восстановилось, и диск после недолгих мушкетерских во рту и зыбких надежд переместиться я повесил на цепочку что по-прежнему на шее. Вот только без креста уже, а только с солдатским жетоном.

Отец замахал рукой, указывая вдаль, и мы снова бежим. Минуем опушку, обогнув и больше по кустам, по самым темным закуткам, выбегаем на булыжную дорогу — старую и с проплешинами выдернутых камней. По краям ее кусты с набрякшими почками и здесь пахнет почками, хотя и не скроешься от зловония нигде в этом месте. А вдали, мерцает огнями огромный, невероятно огромный, наверное, в сто этажей дом. Бежим к нему, но так же, все в обходную, оглябая светлые места, все больше оврагами и при каждом шорохе пригибаясь к земле. Дом этот страшный, полукругом, четыре монолитные колонны поддерживают гигант-

ский навес, и своей угрюмостью и зияющей пропастью чернеющих подъездов рождает догадку, что это место обитания «саранчи» или «Идолов», как ни назови.

— Это их дом, мучителей наших! — подтвердил мою догадку отец. — Нам за него завернуть надо, и мы в безопасности! Только под носом у врага можем мы затаиться... Они дальше носов своих и не видят...

Бежим за дом. Тут старый весенний сад корявыми ветками стучит от ветра, топкая тропинка, всюду мусор и свалка, а за садом лес. Еще с пару километров идем по нему — теперь не спеша. Видимо нет здесь опасности, потому как даже Соня расслабилась, выдернула у меня свою руку, поправила балетную пачку, распустила растрепавшиеся волосы и вновь собрала их в пучок. Ой.

Я же пытаюсь докопаться до сути:

— Объясните, как вы до такого докатились? Спектакли? Кресты? Князь? Отец, что в моей реальности мертв давно... Что к чему в этом мире?

Отец вздохнул, сел на землю и стал деловито вытряхивать из ботинка камешки.

— Все дело в тебе! А ты князь! Тебя здесь давно ждут... и имбецилы, и идолы. Есть в тебе способность, некий дар убеждения: имбецилы смогут начать защищаться, только если ты прикажешь. А «идолы» ждут тебя, чтобы убить, и тоже по этой причине. Но есть Бог! Не просто так ты мне встретился, да еще и перед лицом неминуемой гибели, не просто так Принц, выискивающий тебя во всех театрах, пошел на представление в другое место. Ха! Как раз к тому постановщику, что нас только что отпустил! Кресты? Так они здесь всегда были. Это место казни на потеху... ну и мало ли: вдруг Князь попадется? А насчет смерти моей... этого я не ведаю...

Он обулся, встал и засеменял дальше, бурча под нос:

— По крови ты сын мне, но здесь много детей моих, ведь я пастор и различий не делаю...

Нет, так просто от меня не отделаешься! Я остановил его, развернул за плечо:

— Понимаешь, в другой реальности ты мне отец и едва не убил меня в детстве... Здесь было подобное? В другом мире ты много спиртного пил, и умер по нелепости как раз после моего избиения! Не сохранилось в моей памяти подробностей, и все что я знаю, это различные байки из уст своей матери, что боготворила тебя до гроба... до смерти своей... Здесь что? Почему ты жив?

Отец стряхнул мою ладонь со своего плеча, вздрогнул судорожно, глянул пристально, будто ища во мне подтверждения, что я — это я, и изрек:

— Здесь я жив, как ты видишь. И не бил тебя, хотя мне не раз приказывали... Во сне и наяву... Обещая к убийству твоему, изменения в существующем укладе и освобождение для человечества. Приказывали разные лица, даже и Принц собственной персоной. Но я не смог, хотя и хотелось! Нет во мне воли способной к кровопролитию! Я имбецил и не в силах измениться. Я не владею собой, и нет во мне способности убивать, даже и во благо человечества! Я могу лишь молиться и ждать, что Бог вмешается когда-нибудь, и изменится здесь хоть что-нибудь.

Идем дальше, мимо очертаний черных деревьев, по тропке, почти звериной, но сухой, ведь чем дальше от города, тем чище и суше и дышится легче, не лезет в нос вонь, и нет вездесущей свалки. Я обмозговываю, хотя получается вяло, и мысли разбегаются как тараканы в стороны: «Ну конечно! Как я не подумал! Не имея агрессии и находясь под влиянием пластины с «ангельской сущностью», мой отец не смог избить меня! В силу управления извне не смог! И потому жив, и потому не пил, и потому верующий, да еще и пастор! Все же есть в этом и положительные стороны, хотя — как посмотреть, как посмотреть...»

Понятно лишь одно. Если не вмешаться и не исправить положение людей, все рано или поздно вымрут. «Саранча» убьет их, методично и целенаправленно, кучками или по одному, на крестах или в спектаклях, или еще где... Кстати...

— Почему они убивают вас... нас? В чем их цель?

Отвечает Соня:

— Они борцы за чистоту Божественной крови. Они мнят себя избранными и Божествами, первыми людьми — Альфой... мы для них всего лишь грязные низшие сословия. Мы не люди — мы имбецилы, а чего таких жалеть? Они бессмертны и обходятся без пищи и воды, они могут не спать, они считают себя совершенствами. А мы... мы зависимы от простых потребностей, мы уязвимы... Впрочем, так было не всегда. Когда-то и они были как мы — уязвимыми. Пока Принц не появился, хотя ты знаешь нашу историю, я говорила об этом. Они бессмертны, но убить их все же можно, отрубив голову, или испепелив дотла... — Слова Пришельца, сказанные еще в подземном городе.

В подземном городе, где я только нашел диск и только как понял, на что способен, имея его за щекой. Может и здесь диск? Или диски? По диску у каждого? Да нет, один диск, заряжающий воду и наделяющий выпившего такой воды бессмертием, а заодно и синевой... Если так, то понятен мне смысл спектакля в театре. «Саранча» пытается убедить людей в своем бессмертии — но смертны они. Как и я, даже и с диском за щекой. Но отвести глаза, этого никто не отменял.

Вот только все больше вижу я идею фашизма, нацизма в этом обществе. Фашизм, но наоборот. И если у тех завоевателей низшими и недостойными были все, кто не похож на них и не соответствовал придуманным ими стандартам, то тут — все ясно как день. Не синий, не длинноголовый: смерть тебе. Если у тех фашистов были отдельные места: концлагеря для недостойных, то здесь один сплошной концлагерь, со всеми вытекающими. пытки, голод, холод, невозможность выжить никаким путем, ведь бежать некуда, а сопротивляться некому. Вот такая арифметика!

Взгляды у моих новоиспеченных родственников спокойные и привыкшие — я же, в недоумении от этого странного бредового мира, где из человеческого — ничего. Разве что свет луны и звезды, что контрастируют с помойкой и грязью. И хибары хомо сапиенс моралис, что контрастируют с огромным, на тысячи жителей особняком, поражающим своей невероятной архитектурой, но устрашающим своими кровожадными обитателями. И все закономерно в этом хаосе, все вполне логично для зомбированных обычных людей.

Я стал причиной их зомбированности, их неспособности защищаться, так мне и исправлять. Незакономерны лишь агрессоры. Откуда они? Понятно, что они бывшие варвары, но как Принц догадался так трансформировать их? Сделать из низкорослых дикарей — Альфу, чудовищной внешности, чудовищной потребности убивать, да еще и синего цвета? Как догадался, что диску подвластно такое? Загадка...

Между ветвями деревьев показались огоньки костров — видимо, мы дошли. Под навесами из штопаной парусины эти костры, дабы светом и дымом не привлечь внимание «саранчи», живущей на верхних этажах особняка. Здесь множество народу, жарят рыбу и еще какую-то дичь, но все в гнетущем молчании, только слышен треск отсыревших поленьев и чавканье, все с пустыми глазами и полным покорении обстоятельствам. Они и впрямь имбецилы, и страшно видеть их такими.

Отец мой останавливается, тремя мощными хлопками привлекает их внимание, нетерпеливо берет меня под локоть и выводит вперед:

— Есть Бог, товарищи! Я нашел Князя! Точнее, Князем оказался один из нас, ранее не проявлявший себя никак! Но вот, свершилось! — Глаза его горят радостью (хоть эта эмоция никуда не делась), на его слова поворачиваются лохматые головы, устало оценивают меня взгляды, кажется, что люди равнодушны.

— Было тут Князей, не пересчитать! Где они теперь? На крестах! Чем этот докажет, что он тот самый? — слышится ровный голос из сбившейся кучки мужчин у костра.

Отец гордо вскидывает голову:

— Этому подвластна агрессия! Клянусь, я видел все своими глазами!

Ему не доверяют, мотают в отрицании головами, но подходят ближе, рассматривают меня словно под микроскопом, кое-кто даже касается, чтобы удостовериться, что я из плоти и крови. Все с оцепенением и без свойственной людям моего мира заинтересованности, а вяло и безынициативно, я же чувствую себя выставочным экспонатом. Щипок в бедро. Соня ущипнула меня.

— Что ты делаешь?

Она вдруг улыбнулась и зажглись лукавым блеском ее томные глаза. Теперь для меня непривычно видеть среди бездушных роботов ее улыбающуюся, но все же понятно, что «ангельская сущность» не отобрала у людей все эмоции без остатка — положительные у них кое-где присутствуют.

— Покажи им, что ты настоящий! Ты должен разозлиться!

Я озираюсь, не знаю как вести себя, выдавливаю видимость злости, ссупливаю брови и уголки губ вниз:

— Да, я злюсь! Б-р-р! — и самому смешно. И смешно, и грустно. Бездарный я все-таки актер, хотя и играл главную роль в спектакле у «саранчи». Некстати приходит самобичевание.

Смотрю в лучистые глаза Сони, оглядываю смотрящих на меня людей, и от пережитого, от увиденного, от ужаса осознания как ущербен и обречен этот мир, как все страшно вокруг, и эти люди страшны в своей неприспособленности, и вся эта реальность словно страшный сон — смеюсь. Не злюсь, что от меня требуется, а смеюсь. Клокочет внутри, спазмом сковывает горло, — я хохочу в голос.

Лица людей удивленные и светлые, очень напоминают мне лица «убогих» которых я не спас. Мне стыдно и перед одними и перед другими. Все напрасно. А теперь эти мучаются по моей вине и не знают этого. А даже бы и знали? И был бы я в прежнем понимании с Богом, помолился бы за их невинные души, за их освобождение. Но я смеюсь. Да нет, я рыдаю...

И мне поверили. Поверили, что я Князь, поверили что самый настоящий, потому что через пелену слез я вижу склоненные макушки, через истерику слышу глухие шлепки колен в грязь. Люди молятся Богу, что не оставил их и привел избавление от мучений в моем лице.

Отец подхватывает меня: вымотанного и раненого, утомленного двумя реальностями в одни сутки. Где в одной меня убили, а в другой — чуть не убили. Где я виноват, где нет покоя и убежища, и пристанища мне. Где Принц, главный человеконенавистник — мой сын, ополчился против меня и против всего человечества. Где я нашел и своего отца, как оказалось любимого, как оказалось пастора.

Отец уводит меня под навес, укладывает в кучу ветоши, дает в щербатой кружке воды:

— Пей! Успокаивайся! Завтра будем решать, как быть, а сейчас — отдохни...

— Отец! — я зову его, а голос гулко отдается звоном в ушах. — Где мать? Жива она в этом мире?

Он мотает головой:

— Что ты! На кресте осталась... впрочем, забудь... — и ушел в толпу.

А я лежу, мне неловко за свою слабость, за слезы, за смех. Утираю лицо: что не так? Что с моим лицом? Нос вдавлен, от уха до уха шрам, один глаз прикрыт, а на лбу шишка — словно рог торчит. Что со мной? Я изувечен в этом мире? Кем? За что? Надо бы осмотреть себя...

Но надо мной одинокий дрозд трелит первую весеннюю песню, рассвет пробирается через стволы деревьев, рассеиваясь по земле влажной белой дымкой, и тепло от близости костра убаюкивает. А еще руки: нежные, девичьи, и впотьмах мне чудится Фрея. Она обрабатывает раны, оставшиеся после шипов ботинок актера из театра, водит мокрой губкой, и тихо напевает под нос заунывную песенку.

Сознание спутывается: что дал мне выпить отец? Фрея — не Фрея, а Азанет. Глядит с укором, шепчут ее губы укоряющие слова, но в них отчетливо можно разобрать и напутствие:

«Следуй в обитель «саранчи», найди сам себя... нет у тебя другого пути исправления ошибок...найди...» — мне и перед ней стыдно.

— Прости, Азанет! — кричу я. — Простите меня, люди добрые!

— Ч-ш-ш! — Соня оmyвает губкой раны, и успокаивает.

Разве можно человеку быть бесчувственным? Ведь он беззащитен от этого, и любой, самый нелепый и глупый противник тотчас победит его, унизит и растопчет. А дальше? Дальше по нарастающей. Все зависит от наклонностей того противника.

Мне жить в этом мире — здесь диск не исцеляет, не работает, и неизвестно, сработает ли. И не прельщает меня играть в смертоносных кукольных театрах, и на кресте висеть не прельщает, а только ответственность за человеческие судьбы давит. Завтра же к пирамиде! Расскажу отцу о своей оплошности, соберем отряд и в путь!

Я сплю. Только песня из уст Сони, прощальная, как та, что пела мне когда-то Азанет, да и Настя пела... и что-то знакомое в этой полногрудой фигурке, в этом блестящем взгляде, что-то родное... будто знал я ее, когда-то давно, и совсем в другой жизни...

Глава 3

Не знаю, сколько я проспал, но когда проснулся, солнце ярко заливало лес, переливалось лучиками по юной травке. И, судя по свежему ветерку, по теплomu воздуху, весна вытесняет зиму. Вот-вот оживет все, вот-вот распустятся почки, запоют птицы, зажужжат насекомые, загремят грозы, прольют землю ласковые дожди. Размокнет все, и в городе, где и так не пройти по грязи, станет еще грязнее... Тьфу ты! Сразу настроение устремилось к нулю.

У костра плотным кругом люди, безмолвно ждут моего пробуждения. Здесь и Соня, которая сняла старую балетную пачку, переодевшись в не менее старый сарафан, здесь и отец. Я встал, потянулся, зевнул непринужденно во весь рот, скрывая под личиной простоватой хамоватости стыд за вчерашнее поведение, и подошел к ним. Что же, надо собираться в дорогу, к пирамиде, хотя я плохо помню, как к ней идти, тем паче в другой теперь реальности и времени. Да и слова Азанет во сне: «Найди сам себя!» Что она имела в виду?

Списал я свои видения на усталость. В голове только пирамида и моя рука, сующая в выемку грубую пластину, что и привела к искажению человеческой сущности, поменяв ее на ангельскую. Надо вытащить ее! А пока... Мне нужны союзники, проводники: мне нужно войско. Что там говорил отец? Князь может приказать имбецилам защищаться? А может, даже и убить сможет приказать?

Надо выяснить этот вопрос, поэтому начинаю прямо и без лишних сантиментов:

— Я князь, да, это правда! И мое предназначение — спасти вас! — Несколько десятков неестественно спокойных глаз изучают меня, а я распаляюсь. — Надо исправить одну ошибку... мою ошибку... в далеком прошлом совершена она, и не по моей воле, а по принуждению... Но сначала я должен узнать вас, почему вы прячетесь здесь, в лесу?

Встает отец, подходит совсем близко и говорит вполголоса:

— Мы из выживших верующих: но не кричи об этом! Но об этом т-с-с! Мы последние верующие в Господа, мы последние ждущие пришествия спасителя — Князя, мы горстка оставшихся в живых после Года Великого Огня, и потому мы здесь... Те имбецилы, что остались в городе после чистки, — обречены на смерть, они мясо для развлечения и прихотей «саранчи», без веры, без Бога, потому как и вера в Бога здесь под запретом...

— Что за Год Великого Огня? Где я это слышал? — удивляюсь я.

— Это Принц придумал, все искал среди имбецилов Князя, но не нашел... Посжигал он в тот год много народу! В каждом видел он тебя, все говорил о способности твоей менять облик...

Я ошарашен, это мягко сказано. У сына моего точно винтиков не хватает в голове!

— Нет, не умею я менять облик! Я из плоти и крови, как все вы, простой смертный... единственное мое от вас отличие — это отсутствие диктатуры извне. Я чувствую на одну эмоцию больше... а эмоция эта — злостью зовется... ну и еще кое-что. Я могу снять с вас это проклятье, только вот нужна помощь ваша.

Люди в толпе стали шушукаться, обмениваться многозначительными взглядами, а я вдруг вспомнил про свое новое, изуродованное лицо. Поднес пальцы, прощупал — так и есть.

— Есть у кого зеркало? — спрашиваю я людей.

Встала Соня, не меняя выражения лица и не задавая вопросов, протянула крохотное, мутное и со сколами зеркальце. Я гляжусь и не верю своим глазам. В кровоподтеках, застарелых и бурых, с огромной шишкой во лбу, с переломанным, вдавленным носом, со шрамом, пересекающим бровь, перекрывающим левый глаз и выворачивающим наружу верхнюю губу: лицо мое ужасает. Меня не узнала бы и мать родная.

Вопросительно гляжу на отца, но он и бровью не ведет, а только жмурит веки, намекая: потом, люди ждут!

Ладно, продолжим:

— Скажите, есть ли у вас где неподалеку строение, конусообразное — пирамида или типа того? Может, видел кто? В ней ваша проблема...

Снова шушуканье, взгляды, и морщат люди лбы, пытаюсь понять, чего я от них хочу. Отец, как координатор этого партизанского движения, отвечает за них:

— Такого мы не видели никогда, вот только разве... есть зона в лесу, примерно в трех днях пути отсюда, когда-то охраняемая крепко, кордонами обложенная и за высоким забором, настолько высоким, что не видать, что там за ним... Может, оно? Раньше стоял вокруг зоны дозор, не подпускающий никого на пушечный выстрел, теперь не знаю, ведь обленилась «саранча», им только одно... развлекаться да мучить народ...

Я перебиваю:

— Что ж, надо идти туда! Посмотреть на эту зону, должно быть, за тем забором и есть то строение...

Люди таращатся, ожидают чего-то, но все в терпении и смирении, да и отец ждет моего решения, глядит мне в рот, ловит каждое слово. Понятно, они ждут приказа.

И я приказываю:

— Люди! Человеки! Я как Князь прошу вас пойти со мной, быть моей опорой и поддержкой! — Пафосно, конечно, но в тот момент хотелось мне пафоса, хотелось встряхнуть их, придать моменту героичности и героизма сунуть в их окаменевшие сердца, а потому — моей защитой! Ведь путь наш, возможно, будет опасен и нелегок! Возможно, жизнь ваша — цена освобождения! Так продайте ее подороже! Защищайтесь, бейтесь и убивайте, если придется! Агрессия! Ради жизни, ради выживания не возбраняется, даже и Богом! Ради свободы не возбраняется! — В таких условиях и Бог пригодится. Как ширма истинным намереньям, ничего личного. И в том же духе я проговорил еще с полчаса...

Устал, дышу тяжело, в глазах снова стоят слезы — на этот раз облегченные слезы. Ведь люди впадают в ступор, опускают глаза в землю, поднимают в небо, молясь и восхваляя Бога, а когда вновь устремляют их на меня, то вижу я огонь в них: смертный и яростный. Вижу метаморфозы даже и в фигурах, что из вялых и расслабленных делаются упругими, и нетерпеливыми, и жаждущими немедленного отмщения и смерти врагу. Любой ценой отмщения, пусть и ценой жизни.

Но есть одна-единственная преграда для них воплотить задуманное немедленно. И преграда эта — я. Сначала поход до зоны, где может быть укрыта пирамида с пластиной, потом месть и революция. Да и что эта кучка из трех десятков человек, треть из которых женщины и дети, в сравнении с тысячами Идолов? Освободить всех надо, а потом уже и в бой!

Выхватываю из толпы взгляд Сони. В нем восхищение, гордость, облегчение, радость. Блестят эти глаза благодарностью и осознанием того, что все не напрасно: ни ожидание их, ни отряд партизан под руководством моего отца, упрямо верившего в пришествие Князя. Надежда в глазах этих: влажных, оленьих, подернутых мягкой женственной дымкой. И еще кое-что. Тайное, запретное, искушающее и искушаемое... желание в глазах...

Мне же не до взглядов. Оружие, вот о чем я думаю сейчас. Как вооружить людей? Не с голыми же руками идти к пирамиде? А если там и впрямь дозор? Если там «идолы»? Сразу вспомнились автоматы в руках у варваров. Не может быть, чтобы сын мой, фанатик, каких свет не видывал, оставил такой важный объект без присмотра. Кто-то же там есть? Итак, оружие.

Поворачиваюсь к отцу. Он также изменился во взгляде, и в осанке, и вялость сменилась нетерпением, но теперь я чувствую от него еще и опасность. Он зыркает враждебно на меня и хмурится то и дело от каких-то своих мыслей и воспоминаний. Что с ним?

Я спрашиваю:

— Есть у вашего отряда оружие какое? Надо подготовить людей...

Он будто выплывает из забытья, пробуждается, улыбается. Видно, что гонит плохие мысли прочь.

Отвечает:

— Из огнестрельного только двустволка, но без патронов, а в основном мы охотимся с помощью оружия более примитивного. Копья есть, мотыги и серпы, на птиц силки, ну и ножи, конечно...

Так, ясно, с таким оружием — как с голыми руками на врага. Ну хоть не палицы!

— Что ж, что есть — надо собрать в кучу, каждому из бойцов выделить то, чем он лучше владеет, а назавтра спозаранку — в поход! Чего тянуть? Пора восстановить справедливость в этой реальности, доказать «саранче», кто здесь Альфа!

Меня слышали, возгласы одобрения кругом, и я горд, что все так получилось, что все же я настоящий Князь, раз слова моего оказалось достаточно для перекраивания сознания этих людей, а сколько еще таких ждут, чтобы их перекроили! Целая армия!

Только отец меня заботит. Поглядывает исподтишка, то и дело мотает головой, будто стряхивая наваждение, не собран и думает о своем, и мысли эти, судя по мимике, не самые радужные. Пытаюсь узнать, что его гложет, и пока люди стаскивают в кучу нехитрое оружие, пытаюсь, что случилось с моим лицом.

Отвечает односложно:

— Не одного меня вынуждали убить тебя. Тебе и самому снилось подобное... Ты изувечил себя сам. Не способный покончить с собой, всю жизнь, с детства, ты то и дело бьешься головой, вот лицо и пострадало. Как приснится тебе чего, так и бьешься... Хотя в изуродованном лице тоже есть преимущества, тебя не узнает ни Принц, ни Королева Идолов. Вы встречались, не раз, к слову...

Он замолк, а я думаю: «Королева Идолов? Здесь и такая есть? Не Фрея ли это?» Королева. Принц. Мать и сын. Вполне логично...

Наконец оружие собрано, выдано необходимое людям, а наутро назначено отправление до зоны, за забором которой возможное освобождение для этого народа.

Для имбецилов, что рассаживаются вокруг костров, глядят ожидающе на пламя, вбирают шумно дым ноздрями, улыбаются застенчиво, стесняясь новых своих ощущений, переговариваются тихонько, замолкают — уступая место тишине, и тишина эта не гнетет, как раньше. Переполнена надеждами и чаяньями эта тишина, светом будущего озарена, и будущего лучшего, счастливого, безмятежного... Хотя каким оно будет? Никто не знает. Ни я, ни даже пастор их — мой отец. Но с какой стороны ни глянь, лучше, чем это. Настоящее.

День близится к завершению, слышен птичий щебет в чаще, закат окрашивает небо в розоватый цвет, и стучат ветки друг о друга от свежего ветерка. Соня сидит рядом, и плечо ее касается моего. Она молчит, и я молчу, но в ней трепет и тяга поговорить со мной о чем-то ощущается даже и подкожно. Где я видел ее, эту девушку?

А когда стемнело, она вновь принялась обрабатывать мои раны, хотя и сама ранена, и делала это нежно и заботливо. И в каждом ее движении участие, в каждом брошенном взгляде — восхищение и преданность. Понятно, что спрашивать ее о том, где мы виделись, бессмысленно, ведь в этой реальности мы могли встречаться не раз, учитывая наше партизанское настоящее. Но казалось мне, что будто снилась она мне, будто видел я ее в другом месте, в другой реальности, и это подогревало интерес поизучать ее исподтишка, понять — откуда я ее знаю?

И вот ночь — сон как наяву, все та же песня. Азанет печально глядит на меня, и шепчут когда-то любимые, но теперь забытые губы: «Не то направление выбрано тобой...» «Иди в обитель, найди себя!» «Только в этом выход из тупика!»

Я не понимаю — о чем она? Хочу спросить, но темнеет все, будто на голову надели мешок, нечем дышать, только сумрачная мокрая ледяная дорога передо мной, и ведет эта дорога прямо в небеса, за облако, что светлой, приятной дымкой простирается до горизонта.

Бегу по дороге я — не я, а ребенок — избитый, раненый. Со мной лишь щенок, все как в детстве. Но тут я знаю, куда мне надо, в отличие от того дня, здесь есть цель. Цель — это облако, там ждут меня, там исцеление и покой. Там дом. Но вот мальчик пробегает мимо, и скрывается его фигурка в темноте.

Не туда свернул! Я когда-то не туда свернул! Пытаюсь найти его, рыскаю взглядом. Темень крошечная, и нечем дышать, только дорога манит синим лунным светом, и щенок бежит по ней — один. Стекло, я бью в него, а за стеклом, в удобном кресле, Доктор, ухмыляется и слюнявит карандаш. Просыпаюсь. В холодном поту, с дрожащими руками, с ощущением, что сворачиваю не туда, не на то настроен, все зря...

Но поздно, люди уже наготове и ждут меня. Пора в поход до пирамиды!

После недолгих переговоров и пафосных моих напутствий, после смазывания и заворачивания в грязные бинты моих ран и отсева тех, кто остается, а именно стариков, женщин и детей, — мы идем.

Пафосные и ободряющие речи мои как нельзя кстати, ведь оказалось, пыл людей за ночь угас, вернулось прежнее отупение и равнодушие, и прежняя пустота в глаза вернулась. Что ж, понятно: «заряжать» на подвиги мне их теперь часто придется. Предыдущий заряд выветрился из их голов, как и не бывало.

Утро теплое, почти летнее, на деревьях и кустах почки распустились, выпустили свое содержимое в виде нежных деток-листочков — выпуклых, любопытных и ловящих рассветный туман, застывающий на них каплями росы. И при дуновении ветра эти капли проливаются нам на головы редким дождем. Небо синее, с поволокой из молочных пенок-облаков, высокое, безмятежное, и, глядя в него, думается, что нет страшного в нескольких километрах отсюда. Будто мир и покой в этой реальности, будто и не надо никуда ходить, а только наслаждаться этим местом.

Лесом: старым, буреломным, но проходимым после схода снега — стражами в нем деревья, частоколом, ствол к стволу стоят, но светлы опушки и полянки, и будто расступаются перед нами эти стволы. Гостеприимен лес, приветлива природа, дышится легко. Все нам на руку, способствует походу и словно говорит: «Вперед! Без сомнений и страхов! К цели!» Будто подгоняет: «Иди! Верни нам человека! Обычного, со своими страстями и грехами человека!»

Но мне ли не знать, что так не скажет природа, не скажет планета, поскольку человек обычный и грешный губит все вокруг себя, засоряет и загрязняет. И в моем мире нет здесь леса, а есть пригород, и в нем война идет.

Впереди отец, за ним с десятков мужчин: сильных и молодых, а теперь еще и смелых и отважных. Завершаем строй мы с Соней, что увязалась за нами. Идем быстро и споро и поначалу молча. Но потом, то ли от местных красок, то ли от скуки, разомлели, пошли медленнее и все больше отвлекаясь на пейзажи и колорит. Комментируя погоду, что одаривает благостью в пути, а со слов Сони, подыгрывает нам и помогает сам Господь в наших замыслах. Он ведет и будто устилает путь — тоже Он.

Я не забыл еще наше путешествие по этому лесу с Фреей, тогда тоже будто кто-то путь устилал. Это и пугает. Но я не хочу бояться, я хочу поскорей дойти, достать пластину, тормозящую людей, и вернуть им достоинство, гордость, уважение, все то, что сопутствует обычно человеку сильному и — да простит меня здешний народ — агрессивному.

Так, на дружеской ноте, я разговорился с Соней и дошел до откровений. Никому прежде не открывал я своих тайн, разве что Доктору из подземного города, а тут вдруг открылся, захотелось душу излить, да и не видел я в своей спутнице подвоха, а видел простоту, душевность и симпатию.

Глаза ее, такие мягкие и участливые, разговоры незатейливые, на диск она посмотрела, округлив глаза, а после моих рассказов о сыне, об отце, о перемещениях во времени и скачках назад, о пластине, что сунул я в пирамиду, — ахнула и посмотрела недоверчиво.

А когда я рассказал о подземном городе, где Азанет была, где я опростоволосился не лучше, чем в городище среди «убогих», которых хотел спасти и не спас, все из-за хитрости Фреи и собственного сына, — всплеснула руками, будто что-то вспомнила, но промолчала.

Потом разговор перетек в русло реальности, моей привычной реальности, что на поверку и в сравнении с этой — рай на земле.

Соня слушала, не перебивая, обдумывая каждое сказанное мной слово и придавая значение всему. Вышагивая ровно и загребая носками грубых старых ботинок прошлогоднюю листву, мало слушая и мало доверяя моим байкам, а больше думая о своем. Она открыта, и невинна, и необразованна, едва избавилась от поработавшей «ангельской сущности» и теперь только благодарность, преданность, как к Князю, как к избавителю, и только во мне надежда на благополучный исход.

Вот только думает о чем-то, морщит гладкий белый лоб в воспоминаниях, а вечером, когда наконец-то мы устроили привал и, рассевшись вокруг костра, принялись жарить дичь, пойманную по дороге, когда, наевшись, вытянули усталые ноги к огню, спинами ловя сырой вечерний туман, Соня также разоткровенничалась.

На ухо, так тихо, как только возможно, зашептала:

— Сны! А может, и не сны, теперь уж и непонятно, ведь сны становятся явью с вашим пришествием! В этих снах мир совсем другой, и даже не такой, как вы мне только что рассказывали... Арии в нем правят, а вы один из них, к тому же не обезображенный, как теперь, а вполне нормальный! Но и в этих снах вы освободитель и спаситель, перекроивший мышление рабов!

Я от чепухи, что она несет, в сомнении ясности ее разума, но спрашиваю:

— Что за Арии? О чем ты?

— Арии — это высшие, вроде «саранчи», что правит здесь. Только Арии не синие, не страшные, а просто люди, как мы с вами, но возомнившие себя избранными, возомнившие, что могут решать, кому жить, кому умирать, кому быть рабом, а кому господином...

Она замолчала, вздрогнула от прохлады ночи, а я приобнял ее за плечи, и показалась мне ее фигурка родной, словно она мне сестра или родня какая. Захотелось защитить ее, избавить от неурядиц и бед этой реальности, показать жизнь другую: полноценную, мирную и гуманную. Но вот, после того как мы дойдем, после того как пластина покинет пирамиду, будет ли мир в этом мире? Какой будет реальность после этого? Что ждет этих людей? Война их ждет, как ни крути, война.

Соня шепчет:

— В том сне ты спас меня, вылечил. Не оставил...

Я в горячности добрых чувств к ней отвечаю:

— Не сомневайся, если понадобится, я и здесь не оставлю тебя, я друг тебе, Соня...

— И я тебе друг! — сказала Соня и уткнулась лбом в мое плечо. — Хотя хотелось бы большего... — последние слова едва слышно, и сказаны они в шкуру, что по-прежнему на мне. Я снял ее, оставшись в одной рубашке, и накрыл девушку. Теперь спать!

Спал без сновидений. На свежем воздухе, у пылающего костра, утомленный ходьбой, даже и не заметил, как ночь прошла. Проснулся от жаркого дыхания Сони в затылок — сам не понял, как перебрался так близко к ней.

Отец сидит в изголовье, смотрит мрачно на нас, а мысли — нехорошие, все на его лице. Озадачивает он меня теперь и пугает, ведь вижу, что задумал он чего-то, а теперь, когда я с ними и впустил агрессию в людские умы и сердца: что мешает ему убить меня? На сегодня обойдусь без напутствий и наставлений, не стоит провоцировать эмоции лишний раз, дойдем и

без этого, ведь чем больше я разжигаю пыл, тем больше в людях нетерпения, и мести, и ярости. Еще и отец пугает.

Встаем, собираемся: снова в дорогу. Все тот же лес, те же деревья и силуэт отца впереди, и фигуры мужчин, что с каждым шагом стряхивают браваду, опускают плечи, более скованны в движениях, и больше сомнений в походках, и неуверенности в лицах. Отец то и дело оглядывается на меня — тухнет в его глазах решимость, меркнет задумка, останавливается взгляд, делается вновь покорным и рабским, да и взгляд Сони также останавливается.

Так даже лучше. После вчерашних откровений, ночевки рядом и интимных вечерних признаний мне неловко немного. Еще два дня в пути, по заверениям отца, и не стоит искушать никого здесь ни разговорами по душам, ни лишними эмоциями.

Погода благоволила — шли мы легко, лишь изредка останавливаясь для отдыха и поисков подходящих путей, что покороче. Ничего не нарушало тишины леса, кроме писка птиц и наших размеренных шагов. Не чувствовал я, в отличие от недавнего путешествия с Фреей, никакой слежки, а если быть откровенным, то вообще мало чего чувствовал.

Все слилось в едином потоке: растительность, тропы, овраги и поваленные деревья, лица людей смешались в одну массу, и вот что странно... Все меньше раздражало меня их равновесие, их вялость и умиротворение. Я и сам уравновешен, вял и умиротворен. И отец не пугал меня боле, я вообще перестал думать о нем, мысли плавной чередой текли через мой мозг, растворялись, так и не неся выводов, а застревали на языке произнесенными словами, что казались теперь бранными и ненужными.

На третий день пути я начал понимать: я перестал эмоционализировать как обычный человек, а думаю скорее как мои проводники. То есть все больше думаю о Боге, и думы эти несвойственны моей натуре, тем паче учитывая мой атеизм.

Восприятие мое Бога теперь как чего-то естественного и вполне осязаемого. Будто я знаю Его, ощущаю в каждой клетке тела, но тело мое в этом восприятии и само как в клетке. Замкнуто в рамки дружелюбия, смирения и всепрощения. Зачем злиться? Ненавидеть? Убивать, не дай Бог? Разве можно человеку решать чью-то судьбу?

Инстинкты, двигающие вперед человека: саморазрушение, и не одной оболочки разрушение, а еще и души... Убийство — грех, агрессия — грех, все — грех. Все, кроме веры и законов Божьих...

Что со мной? Разве это мои мысли? Конечно нет! Я становлюсь имбецилом! Имбецил, что обитал здесь до меня, чью судьбу я принял, чью страшную внешность, разбитую в труху физиономию я надел — очнулся и побеждает меня. Гонит меня из себя, а я бессилен противостоять ему... Это его мысли! Это его восприятие! И если так продолжится, я стану одним из этого стада баранов, безропотно принимающих лишения, муки и смерть!

— Тпру! — останавливаю шеренгу. — Долго еще идти? — спрашиваю отца.

Он улыбается, смотрит с любовью, глаза, так схожие с моими, — пусты, как у теленка, и равнодушны.

— Куда идти? — «Он уже забыл, что вел нас куда-то!»

Но очухивается:

— А-а! Да-да, к вечеру будем...

— Тогда слушайте! — призываю я к вниманию. И вновь героические речи, жестикуляция на грани отчаянья, убеждаю их — убеждаю себя. Точнее, личность, в чье тело я влез.

Вновь взгляды меняются, загораются смертным огнем ярости и ненависти к мучителям, жажда расправы в людях, скорой и безоговорочной. А Соня улыбается загадочно и смотрит, будто впервые увидела. Да я и сам одухотворен, мысли прояснились. Теперь вперед! К цели! И мы идем...

Глава 4

Никаких здесь просек и дорог — все заросло сплошной чащобой. Идем буквально на ощупь, ориентируясь лишь на солнце и определяя стороны света по мху на деревьях. Наконец, когда пламенный закат простер лучи уходящего солнца, по кронам играя веселыми рыжими зайчиками по лесу, с ходу, с тропы, что и тропой-то не назовешь, так, прогалина, напоролись на поросший сухими прутьями вьюна, окруженный кустами высоченный забор.

— Вот оно! — шепчет отец. И теперь мне снова неловко, и не только от того, что может ждать меня за этим забором, а еще и от его взгляда. Вернулись к нему внутренние переживания, мерцает лик задумкой. Теперь никаких сомнений в нем, только решимость.

Обходим забор, исследуя на предмет входа. Видно, что заброшено здесь все давно, и давно не ступала нога человека, ну или «идола», в общем, ничья нога не ступала. Простукиваем, нажимаем плечами, упираемся руками, трясем и пинаем этот забор. Ничего. Он словно монолит. Продираюсь сквозь кусты и заросли лоз, шупаю основание — так и есть, частокол. Но какой крепкий, основательный, раз стоит здесь так давно, и от наших манипуляций ему хоть бы что.

Озираюсь. От нетерпения и досады меня потряхивает, сравниваю, присматриваюсь, и вот оно! Метрах в тридцати от меня, там, где забор уже идет на закругление, плетня меньше, кустов совсем нет, а только молодой дубок стоит, раскинул ветки и громыкает, как будто по железу, этими ветками. Туда! Первый отец, он запускает руки в заросли, толкает от себя, и со скрежетом, на который способно лишь старое гнилое дерево, падает дверь вглубь зоны. Путь открыт!

За забором не лучше. Ничего не охраняется, брошено это место, все поросло, все запущено, но чувствуется пребывание разумных существ. Повсюду мусор, бутылки из-под спиртного, костровище, погашенное много лет назад, обнесенное кирпичом, а в десятке метров — она. Пирамида. Какое счастье! Значит, мы правильно шли, не зря нам все способствовало, и природа, и погода, и Бог, наверное! Правильно Соня говорила! Сейчас, дело за малым, войти внутрь и вытащить пластину, а уж как входить и как вытаскивать, я помню, как будто все было вчера! И все! Все свободны! Да здравствует революция, свержение оккупантов, сади-стов-поработителей, да здравствует новая жизнь! Какая? Не важно! Главное — жизнь, главное — выжившие люди, свободные от «ангельской сущности»!

От радости сам не свой, бегу вперед, за сплошняком из голой растительности вижу вход, он открыт и манит черным провалом. Забегаю, остальные за мной — не отстают, зажигают импровизированные факелы и освещают мой путь. Не пригодилась мне охрана, зря я их с собой потащил — не от кого здесь обороняться, незачем...

Знакомая лестница, комната, залежи пыльных бутылок с вином в этой комнате, стол, несколько стульев, в свете живого огня не так все и страшно — зато как все просто! Боковым зрением вижу, как отец усаживается на один из стульев, берет в руку бутылку с вином, протирает ее рукавом, откупоривает, нюхает, лижет горлышко. Все же равнодушен он к спиртному, и способствует этому мировоззрение, что зажег я в нем своими речами несколько часов назад. Не было в этом мире у него соблазнов, а была только вера и законы Божьи, теперь будет, но ничего... пусть пьет себе на здоровье, не жалко, главное, пусть станет самим собой. Да и остальные люди тоже пусть будут обычными грешниками. В данном контексте это полезно им.

Боковой вход, лестница наверх, к полой верхушке — такая узкая, что тучному человеку и не протиснуться здесь. Беру факел у одного из мужчин, поднимаюсь: еще комната, ниша в стене, выемка, пластина в ней. Оно!

Дрожащей от нетерпения рукой лезу в выемку, смотрю во все глаза в нишу, пытаюсь ухватить пластину, но... Пластина словно прикипела. Ковыряю пальцами, смотрю, но вспоминаю, что глаз у меня всего один, второй прикрыт шрамом. Принуждаю распахнуться второй, покалеченный глаз: смотрю, но мимо. Пластина из выемки выходить не собирается. Все бесполезно.

Бегаю в подкорках мозга мыслями: «Что не так? Почему не выходит ничего?» Восстанавливаю события прошлого, не забывая хвататься за пластину, чтобы сдвинуть ее с мертвой точки.

Городище, богатыри, «убогие», Доктор — он делает эту пластину. «Она настроена на тебя, только ты способен использовать ее...» — говорит Доктор. «Но на тебя она не влияет...» Так ведь влияет! Постамент в подвале, моя голова, всунутая в светлый шар, механизм, что сдвигается посредством моего взгляда... Тут же отец, долбящий в мою голову в детстве... Подземный город в Египте, где взгляда моего хватило, чтобы открыть будто приваренную дверь...

Я опустил руку, оставив в покое пластину. Разочарование волной, до щемящего скрежета в груди. Я все понял. Отец в этой реальности не бил меня. Не было травмы, способствующей изменению мозга и ДНК, значит, и все эти механизмы, пластины неподвластны мне, а возможно, даже диск неподвластен! Не сработает тут моя ДНК, потому как не моя вовсе, а чужая-моя: имбецила, потому как не били меня в детстве, и даже шрамы на моем лице — самоистязание, будучи неспособным покончить с собой, объяснимы теперь... И то, что я едва не стал жертвой этой пластины, объяснимо...

Спускаюсь обратно. Что я скажу этим людям? Скажу правду, поймут ли? Отец по-прежнему за столом, и бутылка в его руках почата уж почти наполовину.

Он захмелел и водит по мне выжидающим воспаленно-пьяным взглядом:

— Как? Получилось у тебя сделать задуманное? — Язык уже едва лыка вяжет.

Сажусь рядом, беру бутылку из его рук и отхлебываю — кисло так, что оскомина перекосила лицо.

Мотаю головой:

— Нет... Я — не я здесь...

Отец будто знал, не удивлен: твердеет его взор, тяжелеет, будто свинцом наливается. Забирает бутылку, допивает до дна, отбрасывает в сторону, с силой. С такой силой, что она вдребезги, и осколки по полу разлетаются, перекатываются и крутятся, бренча о каменный пол.

Соня вздрагивает, смотрит на отца, на меня, снова на отца: видит в отце угрозу, все то, что ощущал я почти весь поход. Люди также смотрят отчаянно и с укором, и на мгновение молчание воцаряется, такое напряженное, такое тягостное, что искры не хватает для взрыва. Но и без искры.

Отец встает, медленно идет вглубь комнаты, где оставлено наше оружие, гремит там железом, я встаю тоже, так как догадываюсь уже, что он задумал.

— Ты — не ты, говоришь? — цедит отец, а мне слышится знакомое с детства: «Жрал?» По инерции втягиваю голову в плечи, и тело не помнит ударов, память помнит... — Мы шли за тобой, ты обещал нам избавление, — но, видно, сразу надо было убить тебя. Тогда избавление получилось бы и без ненужных походов! — Отец берет мотыгу и идет на меня. — Жаль тебя стало — все ж сын...

Во мне тоже хмель, и кровь закипает, и в пьяной голове одно: «Я не дам себя бить! Пусть это и принесет избавление... Но принесет ли? Или все здесь ненастоящее — фарс? Я — имбецил, и отец-пастор, и театры, и «саранча»?» Через пелену вина все как в тумане, все как во сне, все кажется бредом.

Но отец идет на меня, он реален вроде и силен, — я знаю, поэтому встаю в стойку, собираюсь драться, а сам лопочу, стараясь отговорить его:

— Есть еще путь, попасть мне в дом «идолов», там, может...

Мне не дают договорить — отец замахивается, но за его спиной Соня, замахивается также, и она не медлит и не разговаривает, в отличие от отца. Опускает ему на голову один из стульев. Глухой удар — тело шлепком падает на пол... А за стеной, с улицы, слышатся мне чужие голоса. Проводники мои в ступоре, в ужасе, не в силах сдвинуться с места от этого ужаса, и это понятно, они привыкли бояться, привыкли, что их убивают безнаказанно, они не знают, как противостоять, а координатор их на полу, в отключке.

— Саранча! — шепчут побелевшие губы, и в потемках белеют и округляются глаза в панике и покорении обстоятельствам.

Я же реагирую незамедлительно, ведь не привык к подобному, не привык покоряться обстоятельствам — но в этот раз реакция моя не на оборону направлена, а на бегство.

— Бежим! — шепчу я им.

Мужчины смотрят на меня, будто не видят, смотрят на распростертого на полу моего отца, наклоняются, чтобы привести его в чувство, и вижу я: без него они не пойдут никуда. Он их Князь — не я. Он. Но почему не приказал он им доселе впустить в сердца агрессию? Да он и сам был под влиянием! Замкнутый круг! Но он сказал, что я — Князь, и без его одобрения никто не собирался верить мне! А я тогда вполне способен был приказывать... Бред, точно бред.

Соня — не бред. Ладонь ее, теплая и живая, хватает мою, тянет в сторону проема двери, выволакивает из пирамиды наружу. Боком, по линии стены, мы пробираемся в зарослях диких кустов, но голоса ближе, и мы ныряем вглубь. Притаились. Голоса плавно затекают в пирамиду, и теперь только обрывки фраз, и вроде сын мой тоже здесь.

— Координатор? — слышится мне. — Мне казалось, он должен быть моложе, но раз так... Так я и думал, что он вернется сюда, попытается изменить наш мир...

Голосов несколько — не так много пришло «саранчи». Уверенные в своей недостижимости, они и не подумали, что им могут дать отпор.

— Бейтесь! — шепчу я, будто хочу придать отваги этим людям на расстоянии. — Что же вы не защищаетесь?

Возня из пирамиды, вскрики, звон металла, рука Сони тисками сжимает мою, и обладательница ее бледна и трепещет в ужасе.

Затем все стихает, смешки и возглас:

— Имбецилы! Что с них возьмешь? Как бараны, чест-слово! Ну ничего, подождем, когда этот очнется!

Слышатся звуки волочения, еще несколько одиночных выкриков, мат, плевки: уходят. Из кустов плохо видно, но имбецилы с ними, скованны в живую цепь, семят друг за другом. А двое из них — уложенного калачиком на перевернутом столе тащат по земле подскакивающего на кочках моего отца. Князя.

Уходят. Тишина. Почти могильная тишина. Всклипы нарушают ее — это Соня плачет. Плачет, трясется, будто в ознобе. Дрожат плечи, на лице мука, вздыхает судорожно, и снова всхлипывает. Жаль ее. Всех жаль. А все я!

Как так? Как я мог так промахнуться? Что теперь будет с ними со всеми? Получается, я заманил их в ловушку, а теперь... кресты. Что же это? А оставшиеся женщины и дети? С ними что? Отец? Пусть он хотел убить меня, но ведь задумал он это во благо... во благо человечества...

Осознание пришло слишком поздно. Воспоминания последних снов пришли поздно: говорила же Азанет! Снова не тот путь я выбрал! Раскаянье, стыд, понимание, что для этих мужчин, что ушли с «идолами», — все кончено. Как исправить ошибку? Вот бы вернуться назад во времени!

Достал диск, положил в рот: ничего. Конечно, учитывая, что здесь я имбецил и связан с телом калеки. Остается одно: найти самого себя в том огромном особняке, в обители

«саранчи», как и наказывала мне во снах Азанет. Может, тот я — правильный? С травмой, с поврежденной этой травмой ДНК? Все! Решено! Следую туда, а там как пойдет, может, успею спасти кого-нибудь до того, как на кресты повесят...

Обхватил плечи плачущей Сони, покачал, как ребенка, утер ей лицо. Посидели еще какое-то время — пережидая, чтобы ушли подальше идолы, а когда немного стемнело, отправились обратно.

Идем по лесу, поначалу пригибаясь, ступая осторожно, чтобы не шуметь, боязно нам, страшно напороться на врага. Лес шумит тревожно, и нет в его очертаниях бывшего гостеприимства. Только рвет усилившийся ветер ветви, гонит сиреневые тучи по темнеющему небу, клубятся они тревожно, сталкиваются, сливаются в одно целое, и вот-вот прольют нам на головы весенней грозой.

Словно в подтверждение моих опасений громыхнуло вдали, воздух на время встал бездвиженно. Стихло все, напряглось, натужилось, и вот крупные капли застучали по веткам. Выдохнуло резко небо дождем: косым и колючим, сверкнула молния, осветив белое лицо Сони, осветив овраги и темные закоулки леса. Пригнул вихрь кроны с новорожденными малютками-листочками, и потемнело все. Почернело пространство, теперь если идти, то вслепую, но вслепую не получится. Под ногами то и дело палки да коряги, ямы и кочки, и мы спотыкаемся, бредем едва-едва: так не уйдем далеко, надо переждать ненастье, укрыться где-нибудь. Забираемся под ель, прислоняемся спинами к влажному шершавому стволу, укрываемся все той же шкурой, слипаемся в объятья, не ради близости, ради тепла. Ждем.

Вода льет за воротник и задувает сквозняком в ухо. В стекле магазина мое отражение: белобрысый волчонок с вытаращенными от страха глазами, в потрепанной отцовской куртке. Зазывалы на рынке кричат во весь опор, народу — тьма. Многие навеселе, кто-то рыдает вдали, а мимо стайкой беспризорники. Звуки бесшабашных мотивов из каждого ларька, суета, праздность, озабоченность, поиски товаров подешевле. Здесь торгуются, смеются, шутят, бранятся. Много людей вокруг. Но я один. Я обречен на встречу с отцом. Я преступник, проевший деньги, данные на спиртное, и теперь расплата. Щенок бьет хвостом по жидкой грязи, словно говорит: «Надо, хозяин! Надо принять свой путь как данность... Пойдем домой?»

Домой! Снова бледная дорога — устремляется она прямоком в небо. И нет на ней меня, только щенки: куда я тогда пошел? Я ранен, я почти убит, знаю: но где я? Темнота. Пирамида позолоченными очертаниями торчит из этой темноты. Азанет нежится в моих объятьях, целует меня, ласкает, и мне хорошо. Азанет... Такая теплая, нежная, грудь как подушка — мягкая, а губы сладкие... но запах. Запах чужой, не ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.